

СЛУГИ ТИХОГО СМУТА

A surreal landscape illustration. In the foreground, a woman with long dark hair, wearing a red shirt and blue jeans, sits on a large, grey stone wall, looking up at the sky. The wall is made of rough-hewn stones. To her right, a white sailboat with two masts is floating in the air. The background features a dense forest of green evergreen trees, a grassy field, and a range of mountains with snow-capped peaks under a bright blue sky with wispy clouds.

ЕКАТЕРИНА
БЕЛЕЦКАЯ

Екатерина Витальевна Белецкая

Слуги тихого омута

*Текст предоставлен правообладателем
2023*

Аннотация

Странные дела творятся на мирной, малозаселенной планете, находящейся на задворках старого кластера. Нехорошие дела. Не смотря на внешнее благополучие Окист – это действительно самый настоящий тихий омут, который смертельно опасен, и совсем не факт, что знакомые тебе люди – безобидны, а ситуация – несерьезна. Некто играет в очень нехорошую игру, в которой не может быть выигравших.

Содержание

1	4
2	29
3	48
4	72
5	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Екатерина Белецкая

Слуги тихого омута

1

Решение

– Экке, крошка Экке... – Ренни держал воротник в кулаке, с отвращением ощущая под костяшками пальцев потную от страха кожу. – Теперь ты рад, да? Ведь именно этого ты добивался?

Экке потел и молчал. Он был полный, рыхлый, словно перестоявшееся тесто, с короткой шеей и пепельными жидкими волосами. Глаза его, орехового цвета, испуганно бежали. Он действительно боялся. И Ренни это знал. А еще он знал, что труса надо бить. Причем бить так, чтобы боялся заложить или поквитаться.

Впрочем, уже поквитался. Или помогли. Но это теперь неважно.

– Посмотрим, долго ли ты выдержишь на чужом месте, – процедил Ренни. – Пошел отсюда!

Он отпустил воротник и стал брезгливо вытирать руку об штанину. Экке не пришлось долго упрашивать – он рванул по коридору, был, и тут же нет. Ренни вздохнул, покачал

головой, сунул руки в карманы и пошел в другую сторону. Делать было нечего. То есть совсем. Конечно, работу найти он сумеет. Только совсем не ту, о которой мечталось. И всё (Ренни в этом не сомневался) из-за мерзавца Эккеле.

Проход плавно изгибался и тихонечко шел под уклон – Ренни и не заметил, как пошел быстрее. Покрытие на стенах кончилось, вместо него кишку коридора теперь освещали только потолочные светильники, устаревшие еще с тысячу лет назад. Конечно, работать они будут еще тысячу, а то и больше, они практически вечные, но кому они нужны, эти дурацкие панели под самым потолком? Жители Саприи давным-давно перебрались на верхние этажи, подвалами и старыми лабораториями никто не пользовался, они стали местом развлечения молодежи и складом для всякого хлама.

Саприи был уникален, второго такого сооружения на Окисте не существовало. Несколько десятков тысяч лет назад, когда переселение только начиналось, строители срезали огромный пласт камня со склона, и вверх потянулись первые ярусы, числом двести. Саприи рос вверх и вглубь горы, сейчас он насчитывал больше полутысячи этажей. До сих пор неспешное строительство продолжалось, по крайней мере, молодежь часто подрабатывала на нём – резала камень под монтаж будущих уровней, занималась диагностикой склона, его укреплением, стабилизировала возможные подвижки. Более сложную работу выполняла гильдия строителей, и к своей работе они никого не допускали до ее

окончания. Нижние ярусы, на одном из которых сейчас находился Ренни, использовались как подсобные помещения, но Ренни знал, что раньше здесь жили. Ему ярусы с первого по пятидесятый казались седой стариной – тут можно было встретить такие интересные и редкие вещи, как зеркала (в одной из заброшенных квартир Ренни нашел целую зеркальную стену), металлические ванны, в окнах некоторых квартир сохранились стекла, пару раз попадалась деревянная мебель. Кусочки чужой ушедшей жизни обладали какой-то непонятной притягательностью. В детстве Ренни порой забирался сюда играть, часто один, но потом вылазки пришлось прекратить – родители их не одобряли. Позже, уже в компании подростков-сверстников, Ренни навещал огромные, уходящие вглубь горы подвалы. Сложная их система переплеталась с естественными пещерами, и далеко не во все помещения можно было попасть без кодов или ключей. В этом Ренни убедился на собственном опыте лет десять назад.

Задумавшись, он проскочил нужный поворот, и неожиданно для себя оказался в зале со списанными катерами. «Восьмерки», неуклюжие, громоздкие, стояли друг на друге в четыре яруса, узкий проход между рядами катеров терялся где-то в полумраке. Ренни пошел по этому проходу, предварительно прицельно плюнув в засветившуюся перед ним надпись «Покиньте стоянку! Консервация!». Как же, консервация! Эти железяки – чуть помладше самого Саприи. Их

даже в слом не пустишь. Зачем хранят?..

Внимание Ренни внезапно привлек шум, раздавшийся наверху. Он остановился и принялся вглядываться в темноту над головой. В самом верхнем катере последнего яруса явно кто-то был. Скорее всего, кто-то знакомый. Из детей, ровесники сюда не ходили, слишком скучно. Ренни свистнул. Шум стих.

– Эй! – тихонько позвал Ренни. – Мелкие! Полетать захотелось? От стены до стены?

– Фу... напугал, – раздался сверху недовольный голос. Ренни поморщился. Уж лучше мелкие, чем эта. Вот не повезло, так не повезло!

– А, это ты, – разочарованно сказал он. – Давай, спускайся. Я к тебе не полезу.

Вэн Тон легко прыгнула вниз. Эта хрупкая китаянка не доставала ему даже до плеча, но боялся ее Ренни даже больше, чем собственных родителей. Ей тоже приходилось всего добиваться самой, но, в отличие от Ренни, она своего таки добивалась. И при этом ей удавалось оставаться такой правдолюбкой, что хоть плачь. У нее были свои понятия о справедливости, чести, достоинстве, и мировом порядке, которые она пыталась установить в окружающем ее мире. Она одинаково рьяно спорила как со своими сверстниками, так и со старшими. И вот теперь появилась возможность разузнать, как отнеслась Тон¹ к тому, что случилось. Совер-

---

¹ Китайские имена состоят из двух частей – первая часть – это фамилия (в дан-

шенно некстати... ну ладно.

– А я и не слышала, что кто-то ходит, – Тон поправила куртку. – Увлеклась.

– Что ты там делала? – поинтересовался Ренни.

– Понимаешь, мы с рыжим поспорили, что генератор можно снять. Он сказал, что не выйдет, – немного смутилась Тон, и принялась накручивать прядку волос на палец. – Похоже, выиграл.

– Нельзя его снять, – авторитетно заявил Ренни. – Да и смысла нет. Если все-таки оторвешь, там остаточный заряд очень маленький, выше пятерки не бывает. Больше денег на сам процесс потратишь, поверь мне. Много проиграла?

– Десятку, – призналась Тон. – Слушай, а откуда ты знаешь, что нельзя?

– Ха, – удовлетворенно ответил Ренни. – Думаешь, ты первая с ним на эту тему споришь? Наивная, они давно все посчитали. У них же вечно нет денег, вот и крутятся.

– Ясно. Ладно, отдам, – вздохнула Тон. – Ты зачем обидел Эккеле?

– Я обидел Эккеле? Он сам, кого хочешь, обидит, – ответил Ренни, поняв, что разговора не избежать. – Я из-за этой потной кучи остался без работы.

– Я тоже, – парировала Тон. – Но это не повод так себя вести.

– Ах, не повод! – взорвался Ренни. – Еще как повод! Да

моя работа была во сто крат сильнее его потуги на что-то стоящее!.. И твоя... Ладно, я еще могу понять, что она Дзеди с Лином взяла, но вот крошка Эккеле совсем не вписывается в картинку!

– Вот я как раз против Дзеди и Лина, – спокойно ответила Тон. – Это ставленники, причем далеко не самого высокого класса. Что касается работы Эккеле...

– То это не работа, а кусок...

– Замолчи и послушай! – топнула ножкой Тон. Ренни покорно кивнул и сел на подножку катера. – Так вот, о чем я... А! Его работа грамотная, правильная, логически завершенная. Не убавить, не прибавить.

– Теперь ты послушай, – не выдержал Ренни. – Его так называемая работа – это куски чужих работ, слепленных воедино. Ничего нового. Старье на старье. У ребят хоть идеи есть, а этот...

– Из-за этих ребят, – наставительно произнесла Тон, – в следующем году тендер будет втрое сложнее. Дошло? Или она изменит условия.

– А условия-то зачем? – не понял Ренни.

– Пока не знаю, – пожала плечами Тон. – Так Арти сказал.

Помолчали. Ренни вытащил сигареты, прикурил, протянул пачку девушке. Она отрицательно покачала головой, села рядом с ним на подножку, вздохнула. В проходе царил сумрак, традиционная синяя курточка Тон выглядела почти черной. Курточка была натуральная, без всяких добавок –

любят китайцы дорогие ткани. Куртка Ренни уже подстроилась к полумраку, засветились вставки на груди, обшлага.

– Если ты была против них, почему ты тогда продолжаешь с ними общаться? – спросил Ренни. – Споришь на деньги, проигрываешь, сейчас, небось, отдавать пойдешь...

– Пойду, – легко согласилась Тон. Улыбнулась. – Работа работой, но я с ними дружу, если ты помнишь. Одно другому не мешает.

– Но почему? – не сдавался Ренни.

– Боюсь, тебе этого не понять, – снова улыбнулась Тон.

– Такой вот я дурак, – горько усмехнулся Ренни. – Я рыжего, наверное, месяц не смогу видеть, а на Эккеле... уже сегодня посмотрел.

– Подожди, выиграешь еще, – Тон ласково погладила его по плечу. – С первого раза ни у кого не получалось.

– Этот тендер, – спокойно сказал Ренни, – выиграть невозможно. И я это докажу. И тебе. И всем.

– Что ты собираешься доказывать?

– Правду.

* * *

Вечер в горах наступил быстро. Солнце свалилось за хребты, лишь за черными далекими вершинами был виден ирреальный отсвет заката. Лес внизу превратился в неразличимую темную махину, ветер стих. Горы, ночь... Был пасмур-

ный день, стала темная осенняя ночь без звезд.

Ренни вел катер медленно, бездумно, не особо следя за маршрутом, потом спохватился, перевел машину в ночной режим. Катер был старый, родительский, на таком не полихачишь, да и родители тоже спросят, а еще и считку могут потребовать. Свой катер пока купить не светило. Если бы не поганец Эккеле, через год можно было бы заняться этим вопросом, а теперь... Ренни тяжело вздохнул. До сих пор не отпускала обида. Он же старался! И работа его, кстати, очень даже соответствовала. Конечно, положила руку на сердце, следовало признать, что Дзеди его обошел, но обошел заслуженно. Очень изящное решение. Только настроение от этого не повышается, а, наоборот, падает камнем в этот осенний лес.

– Реджинальд! – внезапно ожила связь. – Изволь ответить!

Ренни с досадой хлопнул себя рукой по бедру.

– Да, мама, – послушно отозвался он.

– Ты где?

– Катаюсь. Я близко от дома, не волнуйся, пожалуйста, – попросил он. Катер чиркнул брюхом по верхушкам деревьев, и Ренни поспешно выправил машину. Какое старье! У Дзеди с Лином и то лучше. Сволочи, они же из второго своего катера яхту сделали, и всё им мало.

– Я не волнуюсь, – отрезала мама. – То есть волнуюсь, но о другом. Ренни, не пей много, пожалуйста. Я понимаю, ты расстроен, но ведь это еще не конец света. Можно пойти

к пищевикам, папа всегда поможет...

– Я не собираюсь пить или идти работать к пищевикам! – взорвался Ренни. – Я один летаю, мама, и совершенно необязательно постоянно за мной следить!

– Мальчик мой, милый, я не слежу, – мама постаралась максимально смягчить свой командный тон и, как ни странно, это ей удалось. – Я просто волнуюсь за тебя. Ты что-то уже решил?

– Да, – мрачно сказал Ренни. Ой, что сейчас будет! Но придется это выдержать. – Я иду к медикам. И не спорь со мной, мама, будет только хуже.

– Боже мой! – хорошо, что визуала нет. Просто отлично, что удалось так ловко испортить простенькую систему в катере, а детектор визуал поддерживает только по требованию. Которое не последует ни за что на свете. Мама сейчас точно ломает руки. Картинно. А папа сидит рядом и тихо млеет от спектакля. Он привык, он даже удовольствие от этого получает. – Реджинальд, опомнись! Зачем?!

– Во-первых, из-за зарплаты. Она поменьше, но при хорошей клиентуре, или после того, как я получу статус постоянного врача...

– Ренни, это глупо!

– Мама, статус! Я хоть голосовать смогу. А, в-третьих, свободного времени много. У меня будет возможность готовиться к новому тендеру.

– Ренни, это не просто глупо, это... Пойми, ты ж не бу-

дешь себе принадлежать. В любой момент, днем, ночью, когда угодно тебя могут сдернуть с места и тебе придется...

— Я всё знаю, — военный катер снова примерился к деревьям, но Ренни его опять выровнял. — Всё равно это лучше, чем просидеть всю жизнь, конструируя овощи для гурманов.

Мама вздохнула. На секунду Ренни почудилось, что они сидят рядом, и сейчас мама подойдет к нему, обнимет — и сразу исчезнет и ее командный голос, и театр одной актрисы с заламыванием рук, слезами и истериками, и останется только самый дорогой на свете человек, который потреплет по волосам и тихонько произнесет: «Ладно, сынок. Ты у меня умный мальчик, поступай, как знаешь».

Но она молчала. Конечно, четыреста километров — не расстояние, но сейчас его и маму разделяло нечто гораздо большее. Его решение, к примеру. Или мамино нежелание это решение понять и принять. Ладно. Она поймет. Надо только верить в это — и поймет. Верить и ждать.

* * *

Сам бы он ни в жизни этого костра не заметил. Замаскирован он был на совесть — под скальным уступом, в ложбинке. Заметил катер, и стал вякать, что внизу меняется температурный режим, и как бы это не привело к аварии. Ренни мрачно усмехнулся и затормозил машину. Снизился. Ну конечно, это именно то, чего ему сейчас не хватало для полной

потери собственного достоинства.

Внизу Дзеди, Лин и компания с шумом отмечали поступление на работу. А смотаться не получится, потому что его уже заметили. По крайней мере, жизнерадостный Лин сначала несколько секунд пристально смотрел вверх, а потом замахал рукой, приглашая.

– Эй! – крикнул он. – Кого там носит! Давай к нам, нечего в небе висеть!

Пришлось сажать машину. Хорошо еще, что компания прибыла на одном катере, поэтому на маленькой полянке оказалось достаточно места для посадки. И вообще, во вкусе ребятам не откажешь. Умеют выбрать что-то такое... уютное, что ли? Хорошо было на полянке, совсем небольшой, окруженной густыми, выше человеческого роста кустами, с пляшущим под скалой костром, и плоскими камнями, лежащими в сухой осенней траве.

– Привет, – Дзеди встал с камня, подошел к Ренни и протянул руку. Пришлось пожать. – Ты чего такой грустный? Не переживай так.

– Правда, – поддержал друга Лин. – Ты всерьез думаешь, что нам всё задаром достается?

– Ребят, давайте выпьем, – из темноты вынырнула Вэн Тон. В руках у нее была глиняная бутылка и сетка со стаканами. – Ренни, хватит дуться. Ты уже всем надоел.

– Надеюсь, Эккеле вы не захватили? – ехидно спросил Ренни. – Вина не надо, я матери обещал, что не буду.

– Не захватили, – отмахнулся Лин. – Нам тут только Эккеле не хватало. Кроме вина ничего нет, извинишься потом перед мамой. Народ, где вы там? Свои, тревога ложная, выходите, давайте.

Кусты зашевелились и на полянку вышло еще человек шесть. Забавно, если учесть, что в катер Лина столько не поместится. Может, еще где-то поставили? Но не в лесу же...

– Ага, вот оно, несоответствие, – усмехнулся Лин. – Ренни, а как ты думаешь...

– Он не думает. Он считает, – Дзеди отобрал у Тон бутылку и принялся разливать вино. – Кстати, зря.

Ренни покачал головой. Он украдкой посмотрел на Дзеди и Лина, снова ловя себя на том, что сравнивает этих двоих с собой. Ростом, конечно, не вышли. Ниже его самого на полголовы, где-то под метр восемьдесят, или даже меньше. Худощавые, неплохо сложены, но, опять же на взгляд Ренни, слишком тонкие в кости. Лица правильные, глаза немного необычной формы. Высокие скулы, ровно очерченные брови, у Лина как всегда сидит где-то в уголках губ неуловимая полуулыбка, интересно, чем это хитрое выражение лица завтра обернется? Хотя на самом деле ребята вполне ничего. Всегда приветливые, правда Лин частенько перебарщивает со своими шутками, но в целом – всё пристойно. Отличные результаты по всем дисциплинам, интересные нестандартные решения, как во время этого проклятого тендера, но...
...но Ренни остерегался общаться с ними. Много к тому

было причин, среди которых полно второстепенных, и одна – главная. Второстепенные... Обучение в спецгруппе, к примеру. Ряд дисциплин, типа управления первичными системами аналога эгрегора, теория в чистом виде, даже не дисциплина, а так, гипотетические изыскания. Зачем это? Нет, выбрали, и ходили гордые, как будто это может кому-то для чего-то пригодиться. Пацифизм этот гипертрофированный – тоже зачем? Спорт они не любят, на курсы по единоборствам их Айк, помнится, пинками загоняла. А курсы обязательные, иначе китайцы, типа той же Вэн Тон, могут обидеться – и фиг ты нужную работу получишь. А эти... Соревнования они, видите ли, не признают. Никакие. Только регаты. Ага, признали тут одну этим летом. Второе место, и, что самое неприятное – всё законно. Мелочи типа того же Безымянного общества. Массовая продажа красных штанов. А, еще, волосы! У Лина волосы медно-рыжие, у Дзеди – черные. И у того, и у другого – до плеч. Как-то раз спросил, не постеснялся. Выяснилось, что просто так. Нравится. Да, не модно, не принято. Ну и что? Если желаешь – можешь вообще волосы на пару месяцев свести, а мы будем ходить так, как нам хочется. Сам Ренни всегда стригся коротко, считал что это и современно, и аккуратно. Конечно, любой человек имеет право, но...

Всё дело в том, что эти двое людьми в полном смысле слова не являлись.

– Ну что? – спросил Лин. – Совсем не похожи, да?

– Ты о чем? – поинтересовался Ренни.

– О том, что ты опять на нас пялишься. Поверь мне, ничего нового ты не увидишь. Хвосты у нас не растут, а работу эту мы получили на общих основаниях.

– Так уж на общих.

– Между прочим, мы два года просидели на воссоздании животных, ничего не имея, – заметил Дзеди. – Считай, жили на социальный минимум. А то, что катера нам дали...

– Только потому, что у нас никого нет, – поддержал друга Лин. – Айк на нас всегда было плевать, а такие, как ты... нормальные... для себя всё давно решили.

Ренни промолчал. Они были правы, целиком правы. Да, многие мечтали попасть на работу в лабораторию Айкис, в лучшую экспериментальную лабораторию Саприи. Многие туда рвались, тратили годы, силы, нервы, принимали участие в безумных тендерах, которые проводила Айк, если ей в голову приходило взять нового сотрудника, старались как-то перед ней выслужиться, совали взятки, подсиживали друг друга. Всё это так. Но появившихся на свет в лаборатории Айк, которая ни раньше, ни потом подобных экспериментов не проводила, было всего пятеро. Дзеди, Лин, Дени, Ноор и Арти. Причем трое последних имели право на существование. Первые двое – нет.

Они были треш, мусор, гениальная шутка Господа Бога, таланта Айк и безымянных создателей генетической базы, которая была их основой. Их не должно было быть, но тем не менее произошло невероятное. Насколько было извест-

но Ренни, Дзеди с Лином были людьми на треть – самое неустойчивое сочетание генного кода. Опероны другой расы, чуть ли ни в два раза более длинная цепочка ДНК, искусственно подавленная доминанта гораздо более сильного чужого генома. Куча отличий на физиологическом уровне – два сердца, лишние швы на черепе, вертикальные кошачьи зрачки (любимый повод для огромного количества пошлых шуточек), меньшее количество ребер, необычное расположение легких... И словно в насмешку – совместимая, пусть редкая, кровь; в подавляющем большинстве – стандартные человеческие реакции, довольно приятная внешность.

Почти что люди.

К сожалению, в Саприи слишком хорошо знали и понимали это «почти». «Как все» Дзеди и Лину стать не светило. «Любая генетически измененная особь лишается права на воспроизводство, селекцию вида, копирование, репродукцию, сохранение своего генетического кода для последующего его дублирования с целью воссоздания особи. Отклонения от закона возможны только в экстремальных ситуациях и только с разрешения представительства Официальной службы кластера». Официалы? Да их никто и не видел никогда, разве что издали, у Транспортников, или в представительстве. Говорят, конечно, многое, только зря Жанка влюбилась в Рыжего, не будет ей счастья... она детей хочет, а Лин не имеет права их заводить. «Спасибо, не кастрировали, – сказал как-то Рыжий. – Я догадываюсь, что Айк думала

об этом, но почему-то постеснялась».

– Хватит о плохом, давайте лучше о хорошем, – попросила Вэн Тон. – Вот ты, рыжий, как думаешь, там под часовней на самом деле что-то есть?

– Конечно есть, – заверил Лин.

– Да ничего там нет, – возразил Ренни. – Просто яма в земле и ограда. А дураки, типа некоторых, верят и на свечках гадают, – он и сам гадал, только не распространялся об этом.

– Нет, есть! – переупрямить Лина мог разве что Дзеди, но он в этот момент в очередной раз отделялся от девицы с фиолетовыми волосами.

– Откуда ты знаешь?

– А копал, – гордо ответил Лин. – И смотрел. То, что там лежит, очень похоже на останки хорошо расплавившегося катера...

– С ума съехал? – ехидно спросил Арти. – Когда ты «Монастырь» ваял, вспомни... вот-вот... Как обшивку под мачту кромсали? Ты на секунду прикинь, какая температура для этого потребуется. Расплавить катер! К тому же не такой, как наши, а типа военного, наверно... Дурак ты, рыжий.

– Я слышал, что они попросили корабль, – тихо сказал Лин. – И когда они врезались в землю, был залп.

– Ага. Тут была бы не дырка в земле, а половины континента бы не было, – справедливо заметил Арти. – Хватит повторять чужие бредни. К тому же Сэфес не воюют. Это всем известно.

– Тогда расскажи, как всё было, – попросила Вэн Тон.

– Всему своё время.

– Не слушай его, у него это время уже года два наступить не может, – заметил Лин. – Есть там катер – и точка. И экипаж официально мертвым не признан.

– Правильно. Потому что никто не видел, что там на самом деле произошло, – наставительно сказал Арти. – Я же рассказывал.

– Ты нам расскажи, – попросила Вэн Тон. – Мы-то ничего не знаем.

– Ладно. Вы или приблизительно знаете, или хотя бы догадываетесь, кто такие Сэфес. То, что экипажи контролируют области пространства, на непросвещенный взгляд разбросанные по всей вселенной и никак не взаимодействующие друг с другом, вы тоже знаете...

– Не знала, – вставила Тон.

– Теперь знаешь. Функции экипажей весьма и весьма условны, они – сила, направляющая дальнейшее развитие планетарных и звездных систем. Они не вмешиваются в локальные конфликты, они никого не защищают, ни на кого не нападают, не участвуют в войнах... просто определяют дальнейшее существование своих секторов. Уравновешивают его. Координируют. Мешают добро и зло в нужных пропорциях.

– И всё? – спросила Тон.

– Тебе этого мало? – усмехнулся Арти. – Ты на секунду

себе представь, что у них на сетке иногда до трехсот-четырехсот тысяч систем висит. И они должны решать, что с ними делать.

– А зачем? – поинтересовался Лин.

– Затем, чтобы заранее погасить будущий конфликт, к примеру. Затем, чтобы в мире не просто равновесие сохранилось, а чтобы это равновесие еще и всех устраивало.

– Сложно это всё, – Ренни отпил вина. – По-моему, вполне можно и без экипажей обойтись. Летают черти где, какие-то свои дела решают.

– Может быть, – покладисто покивал Арти. – Только я не хочу проверять, что будет, если они исчезнут.

– Большое дело. Ты лучше расскажи, что у нас тут случилось, – попросила Тон.

– Есть версия, – начал Арти, – что один из экипажей предпочел во время своего ухода разбиться. Почему у нас – понятия не имею. И, вроде бы, они не нашли свидетелей и просто ввинтились вместе с катером в Окист. Только я в это не верю.

– Почему? – живо спросила Тон.

– А потому, что не имели они права уйти просто так. Да еще и без свидетелей. Скорее всего... – Арти сделал паузу и с достоинством посмотрел на замерших слушателей, – свидетели разбились вместе с ними.

– Сволочи какие! – с чувством сказал доселе молчавший Дзеди. – Уму непостижимо.

– Почему же, – парировал Арти. – Как знать, кто из нас

и на что способен в этой жизни...

– По крайней мере слушать этот бред я больше не способна, – возмутилась Тон. – Это надо! У нас под носом, оказывается, могила убийц и жертв одновременно, а мы, идиоты, им еще и свечки ставили! Желания загадывали! Какая я дура была...

Она взяла у Ренни стакан с вином и залпом выпила.

– Не переживай, – улыбнулся Арти. – Вдруг я сказку рассказал? Ты что, как маленькая, веришь всему подряд?

– Ты врать не умеешь, – ответила Тон, садясь на траву. – В этом-то всё и дело.

– Или не умею, или умею настолько хорошо, что меня ни разу не поймали, – парировал Арти. Тон в ответ лишь покачала головой.

Замолчали. Осенний ветер говорил с травой, и она отвечала – еле слышно, печально, шорохом и вздохами, слабыми, еле слышными. Траве вторил лес, вторил костер, едва различимое дыхание осени в воздухе. А люди сидели и пытались просто понять – и сказанное, и то, в чем это сказанное теперь ожило.

– Давайте еще выпьем, что ли, – жалобно попросил Лин. – Праздник всё-таки...

– Это кому как, – ответил Ренни. – Мне...

– Ренни, ну не начинай всё с начала, – попросила Тон. – Мы все уже знаем, что тебе плохо. И что помочь никто не сможет.

– Не надо мне помогать, – огрызнулся Ренни. – Я просто хочу справедливости. Это понятно?

– Понятно, – ответил Дзеди. Он собрал стаканчики и принялся наливать вино. – Уж не знаю, что ты о моей работе думаешь...

– И ты туда же! – Тон всплеснула руками. – Хорошая у тебя работа. Я даже позавидовала. Додумался же – изменение расовых признаков. Мне мои глаза не нравятся, а можно было бы сделать такие...

– Какие? – поинтересовался Лин.

– Как у Жанны, – вздохнула Вэн Тон. – Большие. А у меня щелочки.

– Зачем тебе как у Жанны? – удивился Лин. – Мало мне того, что она своими большими глазищами каждый мой шаг отслеживает, так еще бы и ты ей помогала.

– Кстати, а где она? – удивился Ренни.

– Родители не пустили, – мрачно ответил Лин. – Давайте... за то, чтобы в следующем году Ренни к нам присоединился.

Выпили. Снова послушали ветер в траве.

– Арти, а всё-таки... – протянула Вэн Тон, – ну расскажи.

– Не в этот раз. Ладно, ребята, пора. Собираемся, – Арти встал, потянулся. – Если кто-то забыл, то напомним, что этим «кому-то» завтра вставать на работу.

Ренни так и не понял, как они отправились домой. По крайней мере, в катер набились Лин и гости, а Дзеди с Ар-ти остались на полянке – собрать и сжечь мусор и разобрать-ся с костром. От предложения Ренни подбросить их домой они отказались, поэтому он возвращался без компании. Старик-катер не мог угнаться за относительно новой моделью, которой управлял Лин, поэтому вскоре Ренни остался в одиночестве. Мелькнули прощально где-то вдалеке опаловые огни – и исчезли. Темнота окружала катер, Ренни замедлил ход машины, потом и вовсе ее остановил. «Все не так страшно, – подумалось ему. – Обидно, несправедливо – но не страшно. Надо попробовать взять себя в руки. И идти завтра же устраиваться на работу. Потому что если я так буду... страдать... Кому это надо?»

Внезапно он круто развернул машину, сверился с картой и погнал, теперь уже явно торопясь, к югу. Где-то через двадцать минут прямо по курсу сверкнул синий огонек, который при приближении вырос в висящую в воздухе надпись: «Светлого пути, живые». Ренни посадил катер на полянку рядом с часовней, и вошел внутрь.

Часовня только так называлась, на самом же деле это сооружение из дикого камня не было часовней ни на йоту. Приземистое круглое строение с арочной дверью, без окон,

крыша – пологим куполом, выложенным мозаикой. Мозаика проста, даже груба, и фактически бессюжетна – небо, белые, словно с детского рисунка, облака и несколько серых птиц, летящих у самой вершины купола. Никаких надписей (та, предупреждение, не в счет), ни снаружи, ни внутри. Вокруг часовни – пустое пространство, на котором нет ни куста, ни деревца. Только ровная, низкая трава.

Ренни вошел внутрь. Там, за дверью, было лишь одно помещение – круглый зал. По периметру, где-то на полутора-метровом расстоянии от стен, шел низенький заборчик, сложенный все из того же камня. На заборчике горели свечи, сотни свечей. Ренни вынул из ниши в стене (таких ниш было несколько) новую синюю свечу, зажег от синей же и поставил на оградку. Повезло. Сюда очень многие ездили гадать на свечах, Ренни не был исключением. Если попадалась синяя – хорошо. У тебя впереди – чистое небо, никаких препятствий и неприятностей. Белая – хуже. Белая – это облако, препятствие, какая-то неудача, задержка в делах. Очень редко попадались серые свечи, означающие птиц. Такую свечу сложно было толковать – некто встретится тебе, но будет он друг или враг... Кто-то рассказывал, как вынимали желтую свечу, но сам Ренни за всю свою жизнь такого не видел. Он вообще не верил, что желтые свечи – знак избрания – бывают. Только на рисунках – странная медового теплого цвета свеча, два столбика, каждый с фитилем, сведенные в один, где фитили переплетаются и тоже становятся

ся одним. Знак вечной принадлежности, знак отверженных, проклятых, и при этом – благословение. Знак Сэфес. Ренни, как ни старался, не смог понять этой философии.

Он снова подошел к заборчику, превосходно зная, что там увидит – всё ту же глубокую узкую яму в оплавленной земле. И чего Лин врал? впрочем, этот любит прихвастнуть. Где тут можно копать, как копать? Чушь.

Да, всё как прежде... но тут что-то вдруг стало не так. Ренни с удивлением заметил, что свет свечей неуловимо изменился – он словно стекал по оплавленной земле вниз, проникал вглубь щели... и вот она стала слабо, едва заметно, светиться сама. Пропала давящая темнота, часовня пропиталась светом, камень оградки мерцал, стены часовни словно ушли во тьму, растаяли, и Ренни очутился неожиданно рядом с наполненным светом колодезцем. «Я с ума сошел? – жалобно подумал он. – Что это такое?» Часовня молчала, колодец медово мерцал. Неожиданно его стенки словно подернулись патиной, и Ренни различил намек на сложно обрисованную сеть с ячейками-шестигранниками. Сеть стала набирать цвет – из полупрозрачной она становилась вишневой, нити наливались сиянием, оно смешивалось со светом стен самого колодца. Ренни смотрел как зачарованный. Сеть постепенно вобрала в себя мед, и вскоре весь колодец стал торжественно-вишневым, с благородным серебряным оттенком. Постепенно свет стал слабеть, и спустя минуту принялись загораться свечи. Недружно, поодиночке. Сначала сла-

бенько, а потом – всё уверенней и смелее. Щель в земле снова стала сама собою.

– Так, – протянул Ренни. – И что это было?

Тихо потрескивали свечи.

Ренни постоял еще с минуту и медленно пошел к выходу. По сухой траве он добрал до своего катера, сел на подножку. Небо уже очистилось от облаков, осенние звезды освещали лес, красили катер в серебряный нереальный цвет. Ветер совсем успокоился. Ренни закурил. Что он такое сейчас видел? Рассказать об этом кому-нибудь? Или не надо? Что произошло? Что изменилось в этом мире, почему он сейчас столь остро ощущает всё вокруг – лес, небо, звезды... почему он столь явно видит купол часовни, и почему сейчас купол уже не кажется ему примитивным и аляповатым?

Ренни вдруг понял, что внутри у него тоже что-то изменилось. Исчезло без следа сегодняшнее отчаяние, а решение, днем еще неясное ему самому, окрепло и наполнилось уверенностью. Ренни чувствовал себя легким, невесомым, он словно летел, как те птицы на куполе. Теперь он откуда-то точно знал, что птиц восемь, и, если вытащишь серую свечу, надо просто угадать правильную пару.

«Все-таки спрошу как-нибудь Арти, – подумал он отрешенно. – То, что всё правда – теперь ясно, но должен же я знать... и рассказать можно только ему, наверно».

Дорогу домой он не запомнил.

А когда через час Ренни попробовал посмотреть соб-

ственную считку, он не сумел этого сделать. Словно случилось невероятное, и его детектор вышел из строя на эти несколько минут.

Чудо должно оставаться чудом. Может быть, это и правильно.

2

Врач

Родителей его решение не обрадовало. Вернее, оно не обрадовало маму, а папа за сына был спокоен. Сын пошел в него, а в себе Арнольд не сомневался. Утром, по дороге в столовую, произошел следующий разговор.

– Милый, подумай хорошенько еще, – просила мама.

– Я подумал.

– Ты плохо подумал.

– Мама, даже если я буду очень стараться, я всё равно не сумею думать так, чтобы это тебя устроило, – проворчал Ренни. Папа ухмыльнулся.

– А ты не смейся, Арни! – мама сменила объект атаки. – Вместо того, чтобы помочь мальчику...

– Не вижу смысла, – пожал плечами папа. – Успокойся, прошу тебя. Вот увидишь, он своего не упустит. Правда, па-рень?

– Не упусти, – согласился с папой Ренни.

– Вот видишь? – обрадовался папа.

– Арни!

– Тили?

– Арни!!

– М-м-м?..

– Арни!!!

– Да, милая?

– Ты меня не слушаешь!

– Я весь внимание.

– Ты думаешь только о еде!

– Кстати, а что мы закажем?

Мама ускорила шаг, и скрылась за поворотом коридора.

Папа и сын синхронно пожали плечами.

– Что-то мне есть расхотелось, – пробормотал Ренни. – Я, наверно, пойду?

– Иди, – разрешил отец. – Думаю, так будет лучше.

– До сих пор злится, – вздохнул Ренни. – Ты можешь с ней поговорить?

– Попробую. Всё, свободен.

Ренни облегченно вздохнул. Папа скрылся за дверью их столовой, а он направился в противоположную сторону. Однако далеко уйти ему не удалось. На повороте его поймала вездесущая Вэн Тон, которая шла завтракать в сопровождении своей подружки. Всё бы ничего, только подружка Тон была сэртос. А это значило, что сейчас придется выслушивать кучу ненужных ему сегодня светских новостей и сплетен.

Так и вышло.

– Ренни! – обрадовалась Тон. – Как вчера добрался?

«Интересно, – мрачно подумал Ренни, – она хоть когда-нибудь не улыбается? Или это у китайцев врожденное?»

– Нормально, – сдержанно ответил он. – Как дела, Рита?

– О-о-о, – загадочно протянула сэртос. – Ты не пове-
ришь...

– Они делают новую постановку, – тут же влезла Тон. –
И она ничего не говорит.

– Малышка, – Рита изящно нагнула голову. – Ты же зна-
ешь, у нас правила. И даже не проси.

– Что-то интересное? – вежливо поинтересовался Ренни.

– Да! – загадочным голосом произнесла Рита. Ренни поду-
мал, что многие ее потенциальные любовники очень бы хо-
тели услышать такое «да», только не в коридоре и не днем. –
Я пою. Могу только сказать, что я в хорах, и что попасть туда
в этот раз было очень сложно. Приезжих – полно, я половину
людей не знаю.

Такого действительно раньше не было. Ладно, послушаем.
Ренни не особенно любил постановки для дубль-простран-
ства, но если что-то действительно стоящее – можно будет
зайти, посмотреть. Он не понимал любителей сидеть без-
вылазно в Скивет. На кой ему сдались чужие переживания
и всякие беспредметные склоки, когда их и в реальности хвата-
ет, да еще и невыдуманных, а самых что ни на есть настоя-
щих? Вся фальшь Скивет, искусственная надуманность про-
блем и постоянный треп непонятно с кем утомляли, и не вы-
зывали теплых чувств. Конечно, постановочные шедевры по-
рой встречались. В свое время Ренни сильно зацепила «Ве-
рю, судьба», в которой Рита играла не главную роль, но од-

ну из значимых вторых. И Рита тогда понравилась, и ребята, которые давали считки с ролей, не лажали. Ради интереса Ренни прошел «Верю» с пяти доступных позиций – главного героя, героини, ламы Ом-манни, Серафимы, героини Риты, и с позиции стороннего наблюдателя.

– А я про что! – Рита вскинула голову. Рыжие выющиеся волосы, светло-зеленые глаза, аристократически-тонкие запястья. – Говорить права не имею, но... Ренни, обещаешь, что не выдашь?

– Обещаю, – кивнул Ренни.

– Поверь мне, через несколько месяцев все девицы и дамы будут носить тонкие шелковые платки жемчужного цвета, понял? Если хочешь мать порадовать, достань такой поскорее. Потом не найдешь.

– Серьезно?

– Серьезнее не бывает, – Рита улыбнулась. – Я же не Лин. Ты покупал штаны?

– Я нет. А вот Тон...

– Ну и что! – взвилась китаянка. – Почти все купили.

– Купили... только, заметь, почему-то ни один глупый сэртос тогда не поддался, а всякие умные мальчишки и девочки из хороших семей – за милую душу, – засмеялась Рита. – Нас, понимаешь ли, учат простой вещи – отличать правду ото лжи. И врать по возможности меньше.

Ренни промолчал. Да, сэртос – это на всю жизнь печать. Странная каста. Смотреть можно, а трогать нежелательно.

Стереотип – если ты способна или способен торговать душой, значит и телом торгуешь. На самом деле небезосновательно, ведь этим сэртос тоже занимаются. Не все, но многие. «Не женись, она сэртос, сынок, она жизнь тебе сломает». «Не выходи замуж, он сэртос, доченька, будет не дом, а сплошной бардак». «Если пойдешь в сэртос, ты нам больше не дочь!» Глупость, конечно, но дыма без огня не бывает. Родители Риты, к примеру, когда дочери исполнилось сорок, выставили ее прочь. И Рита ушла. Она петь любит. А пятнадцатилетний общий курс так и не закончила, кстати. Способностей нет. Зато какой голос!

– Много песен будет? – спросил Ренни.

– Ну... – Рита задумалась. – Вообще, много. Так. Хед, естественно, кодовый. Там хор обязательно. Потом мужской дуэт... нет, вру, не дуэт, трио, опять с хорами. Две женские осты, сольные. Что-то было еще... Ренни, не мучай меня. Я только свои партии хорошо помню. Кто мне сейчас позволит всё слушать, сам подумай?

У сэртос существовал свой внутренний мини-клан, в нем они женились, рожали детей, там же писались и снимались постановки, там же муштровали учеников. Учиться сложно, Рита не единожды искала утешения у друзей, когда педагоги доводили ее до слез. Но упорства Рите было не занимать, и теперь она уверено двигается к тому, о чем мечтала. И не торопится, учится, совершенствуется. Для своих пятидесяти лет добилаась многого.

– Жалеешь, что не выбрали на главную? – спросила Тон.

– Нет, – покачала головой Рита. Она стояла у стены, при-
слонившись спиной и запрокинув голову. Ренни понял, что
она подсознательно ловит такие сочетания – светло-зеленая
стена, рыжие волосы, осенний утренний свет из широкого
окна напротив. Рита рисовала себя. – Я бы в жизни не спра-
вилась. Очень сложная роль, да и образ не мой.

– Денег бы получила, – мечтательно протянула Тон.

– При чем тут деньги! – с раздражением сказала Рита. –
Что у меня, денег нет?

Сэртос были богаты. Когда-то бродил слух, что весь Ски-
вет принадлежит им. Сами сэртос этот слух ни опровергли,
ни подтвердили. Можно только догадываться, сколько стоит
дубль-пространство, завязанное на энергетические сети всей
планеты, до этого слуха никто точно и не знал, есть ли во-
обще у Скивет хозяин. Хотя своеобразная логика в предпо-
ложении о сэртос присутствовала – для того, чтобы творить
мир, надо уметь владеть душами людей, иначе твой мир оста-
нется навечно пустым. Но никто не станет делать мир бес-
платно. А за пользование Скивет кое-какие деньги со счетов
снимались. Небольшие, конечно, но если учесть, что толь-
ко из Саприи в день тысяч десять человек на час-другой, да
выйдет, а на планете почти двадцать миллионов живут, а сэрт-
тос в клане тысяч пять, не больше... вот и считайте, господа,
сами. А еще они торгуют одеждой, музыкой, они прода-
ют считки (как будто мало своих эмоций), они периодиче-

ски берут учеников из богатых семей (нетрудно угадать, чему сэртос учат, но это жизнь, что поделаешь), они постоянно мотаются по трем-четырем мирам со своими постановками. Всего не перечесать.

– Ладно, мы пойдем, – заторопилась Тон. – А то я на собеседование не попаду, еще опоздаю.

– А ты куда? – спросил Ренни.

– К папе, к пиццевикам, – ответила Тон. – А ты?

– Я?..

– Ты же сам сказал «а ты». Вот я и подумала, что ты тоже куда-то идешь.

– Иду, – признался Ренни. – К врагам Айкис. Как и задумал.

– Какая прелесть! – обрадовалась Рита. – Я тебя вызову, и ты мне будешь лечить горло, можно?

– Оно здоровое, – удивился Ренни.

– Оно заболит специально для тебя, – улыбнулась Рита. – Удачи! А злобной Айк пусть будет плохо, что она такого хорошего мальчика упустила.

– Да уж ладно, хорошего, – смутился Ренни. – Обычного.

– Её проблемы. Приходи сегодня вечером в эллинг, – Рита заговорщицки подмигнула.

– Опять пить? – Ренни поморщился. – Не пойду.

– Нет, не пить. Лин что-то такое придумал, надо посмотреть.

– Если шторма не предвидится, зачем идти? Шоу нам

только при сильном ветре показывают, — засмеялась Тон.
— Вот придете и сами всё увидите. Ладно, Тон, пошли завтракать, мне скоро надо на точку, — заторопилась Рита.

* * *

К медикам Ренни пришел через два часа. До этого он заглянул в элинг, поболтал с охранниками (никто, естественно, не был в курсе о том, что тут намечается вечером), затем спустился обратно в обеденный зал, быстро позавтракал в одиночестве — родители уже ушли, и пошел устраиваться на работу. Почти час он бродил по нижним коридорам, зачем-то снова забрел на стоянку старых катеров, и только потом поднялся на нужный этаж.

Коридор на этом уровне был тревожно-оранжевого цвета, потолки — выше раза в два, чем в жилом секторе. Поскольку помещения считались служебными, они располагались на внутренних этажах, и были связаны со сложной системой проходов внутри горы. Конечно, никаких окон, неудобно, казенно. Ренни вошел в зону Молчания, постоял, привыкая (ощущение было неприятным), подождал, пока система считает с его детектора всё, что положено. Наконец зона его выпустила. Теперь придется привыкать, ничего не поделаешь. В эти помещения заходить с разблокированным детектором было запрещено.

Неуверенность не оставляла его, перед дверью он оста-

новился. Что-то с ним происходило в этот момент, он всей душой пытался понять, что именно, но так и не сумел поймать ускользающее ощущение. Нечто изменилось в этот момент – и в нём, и в мире. Словно что-то огромное вокруг него вздохнуло с облегчением, сонно потянулось и замерло. Надолго ли?

– Долго стоять будешь? – позвали из-за двери. – Заходи.

К огромному удивлению Ренни за дверью вовсю шло веселье. Человек пятнадцать нарядно одетых людей толпились у импровизированной стойки в центре комнаты, несколько пар танцевали. К нему подошел врач, Дауд, с которым он несколько дней назад встречался по поводу работы, и сказал:

– Решил?

– Решил, – подтвердил Ренни. – Подумал, и вот...

– Тендер, значит, провалил, – подытожил врач. – Кто выиграл, кстати?

– Эти... двое. И Эккеле, – тихо сказал Ренни.

– Ясно. Чего и следовало ожидать, – Дауд говорил весело, но в голосе его проскользнула тень сарказма. – Хорошо, что провалил, чего тебе там делать. Полгода поучишься и начнешь в паре практиковать.

– В паре? – не поверил Ренни. – Обычно же год в четверке...

– Ну да, в паре. Оценки у тебя отличные, техники ты знаешь. Начальный курс тебе вообще первому засчитали, насколько мне известно. Поднатаскаем немного – и вперед.

Учиться и работать. Дурень, ты же к проходам восприимчив! Хочешь, к себе возьму? Мне... в пару женщину одну хотят поставить, а жена, в общем, против, — Дауд улыбнулся, — ревнует. Пойдешь?

— Ладно, — кивнул Ренни. — Но хоть полгода в четверке я буду?

— Будешь, будешь, — заверил его врач. — Пошли, выпьем. День рождения сегодня у нас.

— Чей?

— А нашей группы. У неё, знаешь ли, почти каждый месяц день рождения. Заодно, кстати, и твое поступление отметим, — Дауд решительно потащил Ренни к стойке. — Лапочка, налей нам чего-нибудь... спасибо, милая... ну вот, чего я хотел-то... а, вот! Родители как?

— Да не особо, — признался Ренни. — Мать против.

— Ничего, привыкнут, — отмахнулся Дауд. — Нам-то хорошо, вся семья тут. Династия, понимаешь ли...

Ренни понимал. Эта самая династия была одной из причин недовольства мамы. Мама не любила евреев, Дауд про это знал. И очень хотел заполучить в свою команду этого молодого статного англичанина. До зубовного скрежета хотел. В то время Ренни не осознавал всех тонкостей политики взаимоотношений разных кланов, но кое о чем догадывался. Впрочем, в его планы не входило навсегда оставаться под началом Дауда. Он был по меркам Дома еще очень молод — всего-то двадцать пять лет — и то, что взрослым виде-

лось серьёзной проблемой, казалось ему легко разрешимым.

– Завтра приходить? – спросил Ренни.

– Да, часам к восьми подтягивайся, – покивал Дауд. Пригладил коротенькие, проволокой выющиеся черные волосы. Улыбнулся. – Мальчик, я бы хотел тебе сказать пару слов наедине. Сейчас время есть?

– Есть, – кивнул Ренни. Он вспомнил, что собирался в эллинг, но до вечера было еще далеко.

– Тогда выйдем, – предложил Дауд. – Шумно тут.

Они вышли в коридор и остановились возле входа в зону.

– Понимаешь, есть ряд правил, которые мы вынуждены соблюдать, – осторожно начал Дауд. – И есть обязательства, которые мы не имеем права нарушать. Сейчас я тебе кину координатную сетку и с сегодняшнего вечера ты начинаешь ее учить. Ты, кстати, что про нее знаешь? Видел когда-нибудь, как ходят?

– Только слышал, – Ренни отрицательно покачал головой.

– Правильно. А почему? – спросил Дауд. – Потому что, во-первых, весьма ограниченное количество людей могут это делать, – он наставительно поднял палец. – Во-вторых, нам совершенно не нужно, чтобы кто-то понял истинную причину...

– Истинную причину? – недоуменно переспросил Ренни. – Чего?

– Хотя бы того, что по прихоти генетики детекторы лучше всего приспособливаются к нам, – гордо сказал Дауд. – Ты

редкое исключение, мальчик. Обрати внимание на то, кто у нас работает. Пара немцев, китаянка вон недавно прошла тест...

– Вэн Тон? – спросил Ренни.

– Кто? – удивился Дауд. – Такую не знаю. Трое французов, четверо русских... с этими вообще один смех. Они не пользуются сеткой, не могут, поэтому работают в стационаре, который раз в полгода нужен. А деньги получают исправно, – Дауд засмеялся. – Все остальные – наши, – с гордостью добавил он. – Понял?

– Нет, – честно ответил Ренни.

– Поясняю еще раз. Вчера, кстати, твой приятель Дзеди...

– Он не мой приятель.

– Хорошо. Не твой приятель Дзеди выиграл, предложив забавную работу... у тебя есть сигареты? вот спасибо... Работу по изменению оперонов, ответственных за расовые признаки... Кстати, ты в курсе, что эта парочка, да и Арти тоже, свободно ходят по сетке не только в Доме, но и в окрестностях?

– Нет, – Ренни ошарашено покачал головой. – А как...

– Вот так. Есть у меня теория, что мы... ну, мы, ты понимаешь, генетически как-то связаны с рауф. Детекторы – не наша разработка, их поставляют... и рассчитаны они, кстати, не на людей. К кому-то они приспособливаются лучше, к кому-то хуже. Кто-то живет пятьсот лет, кто-то семьсот. Доходит?

– С трудом, – признался Ренни.

– Продолжаю. Эти трое имеют от рауф очень много, в первую очередь – гены. Это подтверждает мою теорию.

– Дауд, а как же я, в таком случае... – начал было Ренни, но Дауд его прервал.

– Ты исключение, – повторил он. – И проживешь ты, кстати, долго. Даже гадать не надо.

– Спасибо, но...

– Не меня благодари, – отмахнулся Дауд. – Чего я хотел... правильно, гены. Так вот, детектор предназначен не для человека, Ренни. И у человека он работает не совсем так, как должен. Ты, кстати, в курсе, чем мы в основном занимаемся?

Ренни подумал, что Дауд пьян. Причем сильно.

– В курсе, – ответил он. – Ну, в общих чертах, конечно.

– Девяносто процентов нашей работы, – наставительно начал Дауд, – отлавливание глюков детекторов. Вызывает тебя, допустим, дамочка. У дамочки, допустим, проблема – морщины у нее стали появляться. По всей роже, – Дауд хихикнул. – Сеточкой. А даме всего ничего, лет двести пятьдесят. Ты смотришь и видишь... что?

– Не знаю.

– Ты блокируешь свой детектор, чтобы не лез, куда не звали, вытаскиваешь и разворачиваешь панель ее... хе-хе... – Дауд вдруг резко кивнул и перед ним возникла синяя светящаяся планшетка. – Это не её... это твоя. Вот видишь, вон

тут... Это что?

– Геронто-блок, – ответил Ренни. Он не ожидал подобного поворота событий. Дауд вовсе не был пьян, он, как оказалось, в этот самый момент экзаменовал Ренни. – Область отвечает за...

– Можешь не рассказывать, – поморщился Дауд. – За медиаторы она отвечает. У тебя сейчас всё в порядке, а у нашей дамочки это, – он ткнул пальцем в планшетку, и она мгновенно расслоилась на несколько десятков фрагментов, выстроившихся в широкий ромб, – было бы малиновым. И тебе надо быстро разбираться – то ли это детектор, то ли дамочка чего-то скушала типа мяса, то ли у нее самой с телом нелады. Тоже бывает, но редко, – врач движением руки вычленил нужный фрагмент и крутанул перед собой в воздухе. – Допустим, вот так... Труднее всего найти причину...

– Дауд, можно спросить?

– Чего? Да можешь не спрашивать, я уже догадался. Остальные десять процентов – это чаще всего несчастные случаи, реже – экстренные ситуации, еще реже – смерти. Первые годы про эти вещи можешь не думать. Равно как и роды. Никто тебя на это не пошлет, не волнуйся. Для этого надо проходить отельные курсы, и защищаться. Пока про эти курсы тоже не думай, рано.

– Почему? – спросил Ренни.

– Потому, – отрезал Дауд. – Молод еще.

Он раздраженно махнул рукой, снова собравшаяся воеди-

но планшетка растаяла в воздухе. Ренни вытащил сигареты, они закурили. Дауд присел на корточки, Ренни просто сел на пол.

– Романтики вы все ищите, – вдруг сказал Дауд. – Чтобы арг откусил красивой девушке полноги, вы пришли, спасли красавицу, восстановили ей ножку, и потом сыграли свадьбу. Ерунда.

– А бывало?.. – спросил Ренни, но Дауд его тут же перебил.

– Бывало, – мрачно сказал он. – Много что бывало. И мачты на людей падают... терпеть не могу эти яхты! И в горах обмораживаются, и тонут, и на катерах летают так, что потом долго думаешь, как эти ошметки снова в человека превратить. Дураки! Хорошо, хоть нечасто. Пять, ну шесть раз в году такие вызовы. Остальное – рутина.

Ренни промолчал. Рутину так рутина, куда ему теперь деваться? Уже согласился, не идти же на попятный. Теория Дауда ему сразу не понравилась, он интуитивно чувствовал, что она изобилует слабыми местами и нестыковками, но пока решил ничего не говорить. От греха.

– Я пойду, можно? – попросил он.

– Иди, я всё сказал, – пожал плечами врач. – Завтра не опаздывай.

Вызов поймал Ренни неподалеку от квартиры родителей.

– Ренни! – Рита аж подпрыгивала от возбуждения. – Дуй в эллинг! Через пять минут начнется!

– Что начнется?

– Беги скорей, не успеешь! – Рита тут же отключилась. Ренни вспомнил утренний разговор, и решил, что стоит, пожалуй глянуть на обещанный Ритой сюрприз. Пожалуй, ему сейчас надо немного развеяться. Разговоры об избранных расах и геноме избранных ему порядком надоели.

Так. Если на лифте ехать, в пять минут не уложишься. Двести пятьдесят этажей. Вызвать катер тоже не получится, тут нет ни одного причала. Ладно, стоит попробовать. Ренни вытащил координатную сетку Саприи и окрестностей, и в замешательстве уставился на переплетение линий, густой сетью пронизывающих модель. Офонареть можно! С трудом отыскал точки, рядом с которыми находился сам. На это ушло полминуты. Выбрал максимально приближенную. Из точки в полусотне направлений вылетали разноцветные игольчатые лучики – варианты точек выхода. Еще через минуту Ренни понял, что ни один выход к эллингу не ведет. Схема не дала ему времени на раздумья – взяла и свернулась сама. Ничего себе, наглость!.. Ренни прошел несколько метров по коридору и снова вытащил схему. На этот рез ему по-

везло больше. Из ближайшей точки нашелся выход неподалеку от эллинга. Теперь предстояло самое сложное.

Ренни глубоко вздохнул.

– Создать проход, – приказал он и провел пальцем от своей точки до той, в которой решил выйти.

Точка входа взорвалась вихрем символов. Через полсекунды в воздухе перед Ренни завис единственный оставшийся – код.

– Совместить.

Предполагаемая точка выхода увеличилась, общая схема потускнела, сквозь нее теперь отчетливо просматривалась трехмерная и до отвращения подробная модель Саприи.

– Открыть проход.

Схема сложилась в белый тусклый лепесток света и мазнула по стене напротив него. Ренни зажмурился, мысленно перекрестился – и шагнул в стену...

...и вывалился из совершенно другой стены прямо в толпу людей. Хорошо, что все стояли к стене спиной и никто не увидел ошалевшей до невозможности физиономии Ренни. Это было то место, куда он хотел попасть. Получилось!

Коридор перед эллингом, с широченным панорамным окном, оказался забит людьми. Ренни протолкался поближе к окну. И тут его кто-то схватил за локоть.

– Ничего не видно, – обиженно произнес голос Тон. – Если человек маленький, он имеет право только чужие считки смотреть, да?

– Слушай, откуда ты постоянно... – начал было Ренни, но осекся. – Хочешь, на плечи посажу?

– Ой, правда? – обрадовалась Тон. – Ренни, миленький, быстрее!

– Летят! – заорал кто-то.

Вэн Тон в мгновение ока очутилась у Ренни на плечах.

– Смотри! – закричала она. – «Монастырь»!

И Ренни увидел. К Дому подлетала яхта – при полном параде. С поднятым гротом и стакселем. С легким креном на левый борт. С двумя яхтсменами в кокпите. Стоило ли говорить, что один из них был черным, а другой – рыжим?

Паруса, объятые как огнем закатным медным солнцем наполнялись ветром, матовый корпус с выпущенным длинным острым килем с противовесом, делила тонкая белая полоска ватерлинии, на корпусе ближе к носу сияли две буквы «ЛМ» – «Летающий монастырь». Беспольный водный руль поднят и сложен, а вместо него какая-то совершенно незнакомая конструкция, скорее всего – руль воздушный. Когда яхта приблизилась, Ренни увидел, что паруса, как и руль, новые. Они имели скорее декоративный характер: на большой высоте дуют слишком сильные ветры и обычный парус давно бы сорвало, а эти состояли словно из мелкой сетки, по крайней мере, ветер они держали нормально. Парочка в кокпите сидела, как положено. Один на шкотах, другой на руле. Толпу, вопли, и пристальное внимание они торжественно игнорировали.

Зрелище получилось величественное и абсурдное одновременно.

Катеряхта торжественно продефилировала вдоль стены Саприи, предоставляя всем желающим посмотреть на нее, затем торжественно развернулась и пошла прочь, на закат. Немного отдалившись, она начала втягивать внутрь мачту и киль, превращаясь в обычный катер. Катер мгновенно набрал скорость и скрылся с глаз.

– Забавно, – протянул Ренни.

– Здорово, – Вэн Тон взъерошила ему волосы. – Молодцы.

– Не понятно только зачем, – заметил Ренни.

– Понятно, – отмахнулась Тон. – Это было заявлено как «не дадим запретить вылеты при ветре выше пятерки». Ладно, пошли по домам.

– А почему сегодня? – поинтересовался Ренни.

– Сегодня как раз пятерка и есть. Пошли, Ренни, я устала.

3

Случай

До зимы было пока далеко. Но короче стали дни, прозрачнее тени, листья покинули ветви, и лежали теперь на земле, скрывая ее темнеющим с каждым днем покровом. Звезды по ночам горели ярче, предвещая скорый мороз, а из окна высоких этажей Саприи по утрам можно было рассмотреть далекие горы, вершины которых уже оделись снегом.

Ренни этой осенью чувствовал какое-то ничем не объяснимое спокойствие. Он жил, и наслаждался жизнью в столь полной мере, что порой это казалось ему самому невероятным. Работал, учил сетку, пробовал ходить, закончил первый вводный курс – по экстренной медицине, первичная помощь. С перемещением по сетке ему неожиданно помогли Лин и Дзеди. Они мало того что подсказали, как грамотно и быстро просчитывать нужные точки входа и выхода, так ещё и фактически опровергли теорию Дауда о расовом превосходстве.

– Да ну, – ответил как-то Дзеди на вопрос о том, что он думает по этому поводу. – Он чушь какую-то выдумывает. Мне кажется, что это просто вопрос адаптации. Генная расположенность тоже что-то значит, но всё же. А приспособить детектор можно, по-моему, к любому человеку.

– К любому? – Ренни немного удивился.

– Конечно. Это как под парусом ходить. Надо почувствовать, и всё получится, – Дзеди улыбнулся. – На катере же ты летаешь? А он тоже, кстати, тоже не для людей делался, насколько нам известно.

В Саприи прибавилось народу. Вернулись пищевики, большая часть которых сидела летом на своих плантациях, вернулись полтысячи сэртос, задействованных в пока незаконченной постановке. Навигацию официально закрыли, поэтому большая часть людей, которые летом жили у моря, тоже возвратилась домой, жить подле эллингов остались единицы. Дауд ворчал, что из-за таких вот единоличников и эгоистов он которую зиму подряд вынужден периодически выбираться из Саприи, и таскаться по окрестностям. Как выяснилось, будь его воля, он бы вообще, никуда не ходил. Его жена была той же породы. Лучше всего им было вдвоем, желательно – в собственной квартире. И чтобы больше никого. Когда Ренни пару раз заходил к ним, Анна всегда выглядела недовольной.

Работа у Ренни шла более чем хорошо. Его хвалили, постепенно он обрастал своей клиентурой – на вызовы требовали именно его. Дамам, не желающим стареть, понравился деликатный молодой доктор, воспитание и манеры Ренни сыграли в этом положительную роль. Молодежь тоже охотно прибегала к его услугам – он был своим, с одними вместе учился, с другими встречался в каких-то общих компани-

ях. Постепенно, уже ближе к зиме, Ренни понял, что жизнь постепенно налаживается. Осень в этом году затянулась – обычно к этому времени уже выпадал снег, а тут почему-то его всё не было. Ночью землю схватывал мороз, периодически поступали штормовые предупреждения. Море, до которого лёту от Саприи было меньше пятидесяти километров, уходило в зиму. Наступал сезон штормов.

* * *

Рита, после окончания работы в постановке, получила массу свободного времени, но вместо того, чтобы поехать к своим, в поселение сэртос, она решила на зиму остаться в Саприи. Денег у нее было порядочно, и Рита шикавала – организовала салон. Уже через месяц после открытия он начал пользоваться популярностью, что, впрочем, было неудивительно. Ренни, несколько раз побывавший у Риты в гостях, был приятно поражен. Раньше такие сборища ему не нравились – дорогой вход, слишком шумно, дурно и наскоро сделан дизайн, каждый хозяин салона вводит свои идиотские правила, например – после каждого танца ты должен выпить что-то определенное. Или, что хуже, перемена дамы каждые пять минут, или, что еще хуже, каждый из гостей обязан перед уходом оставить свою считку хозяину... бред, в общем. Но у Риты всё было не так. Она арендовала просторную комнату на одном из нижних этажей (во-первых, это было де-

шево, во-вторых, Ренни догадался, что помещение было выбрано отнюдь не случайно), и обставила весьма необычно. Стены имели вид деревянных панелей, отделанных вставками из потемневшего от времени металла. На каждой стене – закрытые плотными деревянными ставнями окна, причем ставни заперты не на символические, а на самые настоящие металлические замки – овальные, черненные, под четыре ключа каждый. Окна пока что оставались закрытыми, это интриговало. Потолок имитировал небо, причем сколько раз Ренни был в этом салоне – небо всегда было разным. Когда – ночным, звездным, когда – хмурилось облаками, тяжелыми, осенними, один раз Ренни посчастливилось лицезреть прозрачное и светлое до белизны. Прямо в это небо уходили колонны, которые менялись вместе с небом, создавалось странное ощущение, что небо по колоннам спускается прямо в зал. Столики, стоявшие по углам несколькими ассиметричными группами, деревянные, стулья – тоже. Никаких новомодных штук, типа симбиотической мебели, не было и в помине. Дизайн явно очень дорогой и не случайный. Ренни догадывался, что обстановка салона каким-то образом связана с тем, чем Рита занималась последние месяцы, но вопросов до поры не задавал. Плату Рита за вход взимала чисто символическую, в салоне можно было делать, по идее, что угодно. Хочешь пить – пей, хочешь – танцуй, хочешь – закажи еды, и просто тихо посиди. Но народ, салон посещавший, чувствовал атмосферу созданного Ритой места, и не буянил.

Сама Рита во время выхода к гостям всегда одевалась одинаково – длинное темно-серого цвета платье самого простого кроя. Свои роскошные рыжие волосы она собирала в хвост, перевитый тонкой белой ленточкой. Образ получился интересный, нестандартный.

– Ну как? – спросила она однажды Ренни.

Они сидели у закрытого окна и пили слабое розовое вино.

– Нравится, – серьезно ответил Ренни. – Только немного непонятно.

– А как ты хотел? – усмехнулась Рита. – Всё еще впереди. Скоро всё поймешь. Пока придется потерпеть.

– Ой, прости, – Ренни поспешно встал, – у меня вызов.

* * *

Вэн Тон было совершенно нечего делать. У нее был выходной день, а у всех друзей дни, как назло, оказались рабочими. Полдня Тон промаялась бездельем, полазила по Скивет, немного поиграла с незнакомой компанией в какую-то новую и довольно сложную игру, потом извинилась и вышла – для нее игра оказалась скучноватой, и слишком заумной. Конечно, можно было вникнуть, но Тон, против обыкновения, в этот раз лень было это делать. Друзья на вызовы не отвечали, у одних на работе блокировались детекторы, у других, типа Лина с Дзеди, за ответ на вызов с рабочего места полагались такие штрафы, что Тон даже не стала рис-

ковать.

– Возьми катер и погуляй, – посоветовала мама, увидев, что дочь, пригорюнившись, сидит на подоконнике.

Тон пожала плечами. Она сейчас с удовольствием помогла бы маме с уборкой, но после того, как они переехали в эту часть Саприи, необходимость что-то убирать пропала сама собой. Квартира, в которой жила семья Тон, была из дорогих – большая, восемь огромных комнат, причем все комнаты – наружные, с огромными окнами, светлые и просторные. Стены, даже внешние – мало того, что симбиотические, с возможностью фиксировать малейшие оттенки настроения, так еще и способные имитировать почти любой синтезируемый материал. Потолки высоченные, максимально можно поднять чуть не пять метров. Сейчас в комнате, где Тон разговаривала с мамой, стены имели вид синего матового стекла с разноцветными вкраплениями. Блуждающие огоньки в их толще казались светлячками. Естественно, когда платишь такие деньги, гильдия строителей на мелочи не скупится. Блоков очистки – по четыре на комнату. И даже есть свой обеденный зал, да такой навороченный, что поев пару раз там, в столовые для простых людей не захочешь идти. Конечно, лет двадцать назад семья Вэн о такой квартире и не мечтала, но потом дела папы резко пошли в гору...

– Не знаю, мам, – протянула Тон. Провела пальцем по окну, оно спружинило, потом поддалось, и палец оказался на улице. – Там холодно.

– Ну и что? – удивилась мама. – Не хочешь отдыхать, так иди на работу. Тебе полдня зачтут.

– Не-е-е-е... – Тон сморщила нос. – Не пойду. Ладно, мам. Ты права. Мало я летаю, папа обидится.

– Да, катер у тебя теперь хороший, – улыбнулась мама. – Жалко, что Лэй от нас уехал. Папа и ему бы подарил.

Тон вздохнула. Брат был старше ее почти на сто лет. Именно он разделил с семьей все испытания, которые выпали на их долю – тотальное безденежье, десяток лет унижительной жизни за счет клана, постоянные мамины слезы. Он вырос в совершенно другой квартире, четырехкомнатной, маленькой, на одном из самых нижних жилых этажей. Он прекрасно знал, как Саприи относится к тем, кто беден. Благополучие пришло в семью лишь через сорок лет после того, как двадцативосьмилетний Лэй ушел и от родителей, и из Саприи. Он женился на женщине вдвое старше себя, отнюдь не на китаянке (двадцать лет потом отец говорил, что не простит, но всё же простил), и теперь жил в маленьком поселении на противоположном берегу океана. Его младший сын был старше Тон на пять лет.

А мама до сих пор переживала. Несколько раз она пыталась наладить контакт с сыном, летала в гости, звала вернуться. Всё было напрасно – Лэй, рано повзрослевший и озлобившийся на весь белый свет, принимал мать сначала просто холодно, а потом с такой неприязнью, что та в конце концов поняла – лучше не приезжать. И потом, после рождения Тон,

мама просто не отходила от своей девочки. Словно пытаясь заботой о втором ребенке компенсировать потерю первого.

– По-моему, сегодня выходной у Ренни, – нарушила молчанье Тон. – Может, стоит его разыскать, мам?

– Найди, погуляете, – покивала мама. – Он хороший мальчик. Нравится тебе?

– Не знаю. Он какой-то... – Тон подняла глаза, задумалась. – Нерешительный очень. Вроде всё у него есть, да? А в то же время...

– Он просто в себе еще не разобрался, – подумав, сказала мама. – Подожди. Он еще возьмет своё.

* * *

Не разобравшегося в себе Ренни Вэн Тон нашла на берегу, в самом дурацком месте – на каменном пляже. Сажать катер там было негде, поэтому Тон пришлось оставить машину у маленькой рощи береговых сосен, приземистых, с узловатыми искривленными ветром стволами, а потом прыгать с валуна на валун, проклиная всё и вся. А в особенности этого идиота, который по какой-то непонятной причине не захотел даже на вызов отвечать.

Ренни сидел на камне, с которого они летом обычно любили нырять. Камень полого спускался к самой воде, а потом его словно срезала чья-то неведомая рука – глубина под ним была метров двадцать пять. Уже издали Тон поняла, что

с Ренни не всё ладно – уж больно непривычно выглядел ее приятель. Он сидел сгорбившись, обхватив колени руками, и неподвижно смотрел на воду. Ослепительно-белое солнце порой выскальзывало из-за несущихся облаков, и тогда вода словно взрывалась мириадами бликов.

– Ты где катер оставил? – спросила Тон, присаживаясь рядом.

– За рощей, – не оборачиваясь ответил Ренни. Он продолжал не отрываясь смотреть в волны, словно боялся пропустить что-то важное.

– Чего такое? – Тон попробовала заглянуть Ренни в лицо, но он отвернулся.

– Ты говорила, что я дурак, – Ренни покачал головой. – Но ты не знаешь, до какой степени... я еще и наивный дурак, оказывается.

Тон решительно взяла его за плечи и развернула лицом к себе. Она ожидала увидеть всё, что угодно – кроме того, что увидела. Горе, страх, разочарование, даже слезы. Но совсем не это отрешенное и даже чуть циничное выражение. Ренни усмехнулся.

– Знаешь, Тон, на самом деле мне сейчас очень гадко, – медленно проговорил он. – Но это вовсе не значит, что я с собой не справлюсь.

– Что случилось? – Тон даже растерялась.

– Да, пожалуй, случилось. Я через месяц получу статус, – горько сказал он. – Первый статус. В некотором роде рекорд.

– Так быстро? – не поверила она. – А почему?

– Ты действительно хочешь это знать? – вопросом ответил Ренни. – Ох, Тон... ты себе просто не представляешь, что в мире творится...

– Ренни, не выводи меня из себя, – Тон слегка встряхнула его за плечи, он опять усмехнулся. Невесело, криво.

– Ладно. Хочешь, считку дам? – предложил он.

Тон своим ушам не поверила. До этого момента Ренни ее такими знаками внимания не оделял. Считка – это по большей части нечто свое, личное, даже интимное. Давать ее любому другому человеку, даже родителям, далеко не всегда приятно. Конечно, те же сэртос считками торгуют. Но отнюдь не всеми подряд. Когда друг с тобой вечеринкой делится – это неплохо. Но тут (Тон это прекрасно понимала) будет что-то действительно важное. По крайней мере, важное для Ренни.

– Давай, – кивнула она. – А то ты словами говорить явно не хочешь.

* * *

– Хорошо, – сказал Дауд. – Можно сказать, с ерундой ты справляешься более ли менее сносно. По крайней мере, лучше многих, даже опытных. Сейчас вот вызов пришел, опять очередь наша.

– Я не понял, откуда, – встрял Ренни.

– Паршивый это вызов, – Дауд поморщился. – Из поселка. Ладно, что Бог не делает, всё к лучшему. Рано или поздно ты бы всё равно туда попал. Пойди, возьми восемьдесят пятый комплект, и полетели.

Ренни присвистнул. Восемьдесят пятый – это серьезно. Это полный набор наноконтролёров, это два авто-хирурга, это отдельный дорогуший блок питания... Впрочем, Ренни за месяцы работы уже пообвык, и перестал сходу задавать дурацкие вопросы – куда, зачем, когда? Сказали делать – делай по возможности быстро, и обязательно десять раз самого себя перепроверь, когда делаешь.

Комплект в катер они впихнули за рекордно короткий срок – в минуту управились, и стартовали. Дауд вёл молча, на лице его застыло странное, незнакомое Ренни выражение – отвращение, смешанное с неподдельной болью. Наконец Ренни не выдержал.

– Так куда летим-то? – спросил он. Маршрут был незнакомым. Они приближались к Эстену – огромному горному хребту. Внизу потянулось предгорье – группы скал, склоны, на которых почти не было деревьев.

– Про Горный поселок слышал? – мрачно спросил Дауд. Он щелкнул по висевшей в воздухе панели, переводя машину в автоном, и повернулся к Ренни.

– Ну да, – кивнул тот.

– А был там?

– Нет. Что мне там делать? – недоуменно спросил Ренни.

– Правильно. Ты туда даже дороги не знаешь, – Дауд вытащил сигарету, прикурил. – Теперь послушай меня внимательно. Во-первых, что бы ни происходило – молчи, в разговоры без крайней необходимости не вмешивайся. Во-вторых, работай по возможности быстро.

Ренни кивнул. Он немного растерялся.

– Хорошо, – Дауд стряхнул пепел на пол, и задумчиво посмотрел, как пепел втянулся в щель. – Прах к праху... То, что тебе сегодня предстоит увидеть... Ренни, ты вообще в курсе, что это такое – поселок?

– По-моему, туда уезжают те, кто не хочет жить в Доме, или... – Ренни запнулся, выжидательно посмотрел на Дауда.

– Как же, уезжают. Нет, несколько сотен обычных психов там живет. Свечки, кстати, делают, кое-что из растений выращивают, своё, уникальное, на продажу. Опять же – ткани ручной работы, из дерева всякие штуки, – покивал Дауд. – Но еще... туда ссылают. Поселок поделен на две части – верхнюю и нижнюю. Верх для тех, кто сам решил там жить. Низ – для... этих. И нам сейчас – вниз.

Ренни промолчал.

– Две тысячи человек, – продолжил Дауд после минутного молчания. – Большая часть не имеет права покидать зону изоляции. У части живущих блокированы или сняты детекторы.

– А зачем? – спросил Ренни.

– Зачем? – повторил Дауд. – Затем, что это преступники.

Поселок – место высылки. И я терпеть не могу, когда меня туда вызывают! Я ненавижу всю эту сволочь!

– А... – Ренни подумал, что спрашивать о том, о чем хотелось, бестактно, и замолчал.

– Ты хотел спросить, почему? Нет ли у старого нехорошего Дауда личной причины ненавидеть пациентов? – Дауд крутанулся на кресле, снова перевел катер в мануал. – Есть. Только не спрашивай меня сейчас, Ренни.

* * *

Горы расступились, и катер теперь летел над плато. Ренни удивился – разве можно тут жить? С ума же сойдешь! Низкое неприветливое небо, и повсюду камень, камень, камень, ни деревца, ни кустика. Вскоре вдали показалась высокая стена, тоже каменная, явно очень старая. Внизу Ренни различил Полосу. Красную. Ничего себе, местечко! Две тысячи человек – и Полоса к Холму Переноса провешена. Мало того, что провешена, так она, похоже, тут заканчивается. Синяя Полоса принадлежала Саприи, зеленая уходила аж на другой континент, оранжевая и желтая какое-то время идут вместе, потом расходятся. Оранжевая проходит через два поселения пищевиков, и уходит... уходит... Ренни не вспомнил, куда. Основных Полос было семь – по цветам радуги. Из них четыре главных – красная, синяя, желтая и белая. И три второстепенных – зеленая, фиолетовая

и оранжевая. Ими пользовались нечасто, просто сам Холм был построен так, что на катере к нему не доберешься – любые суда, не имеющие разрешения, он просто заворачивал. Сколько стоило, и кому было положено разрешение, Ренни не знал. Попасть на Холм, насколько ему это было известно, можно было или заказав машину (только с самого Холма), или пешком. Идти сто с лишним километров – расстояние, на котором катер просто плавно садился в траву и сдыхал – было делом рискованным и глупым. Кто-то говорил, что есть люди, на катерах которых можно добраться, но они обладают привилегиями, недоступными простым смертным. Те, кто в свое время отдал Окист поселенцам, не особенно хотели, чтобы они получили свободный доступ к другим мирам. А Холм, странное сооружение в самом центре планеты, ориентированное по магнитным полюсам, окруженное радужным кольцом Полос, служил для перемещения из одного мира в другой. Сам Ренни еще нигде не был, а вот родители его на Земле, в родной Англии, были целых пять раз.

– Ренни, мы садимся. Чего такое? У нас работа, а не увеселительная прогулка! О чем задумался?

– Полоса, – проговорил Ренни. – Я думал, что...

– А ты не думай. Потом расскажу. Давай, поторопись, за нами скоро придут. Быстрее начнем, быстрее уберемся отсюда.

– А на катере...

– На катере – нет! – погрозил пальцем Дауд. – Запрещено.

Ренни вышел наружу, выгрузил комплект на землю, и огляделся. Вечерело, наступали короткие сумерки. С гор потянуло промозглым ледяным ветром и Ренни запахнул куртку. Вокруг лежала неподвижная стылая каменная равнина, разделенная надвое широкой красной полосой, возле которой стоял их катер.

Дауд тоже вышел, активировал визуальную связь, и стал переругиваться с каким-то молодым мужчиной. Мужчину было видно только до пояса. То ли детектор со сбитыми настройками, то ли просто несусветное старье. Ренни несколько раз видел такие модели в действии – у пациентов. Тупой системе надо было приказывать едва ли не голосом – обычные мысленные команды и изменения химии тела она не воспринимала.

– Нет, я сказал! Ничего мы сами не понесем! Где это видано! – орал Дауд. – Может быть, нам еще и сплясать на площади прикажете?

– У нас запрет – после наступления темноты мы не имеем право открывать ворота...

– А знаете, что я имею на ваш запрет? Нет, вы знаете?

Ренни подошел к полосе и присел на корточки. Осторожно прикоснулся ладонью к тонкому матовому материалу. Полоса тут же отозвалась на касание – покрытие под рукой потеплело, и по ладони словно провели чем-то мягким. Ренни знал, что любая Полоса очень тонкая, что у них какая-то особенная молекулярная структура, что они гораздо старше

и Саприи, и любых других человеческих поселений, но почему-то никак не мог отделаться от ощущения, что Полосы – живые. Красная на ощупь отличалась от синей. Синяя гладкая, красная бархатистая. Ветер с гор над полосой терял силу, словно полоса как-то сдерживала его...

– Ренни, ты меня сегодня удивляешь, – проговорил Дауд. Подошел, тоже присел и погладил полосу. – Хорошая моя, соскучилась. Люблю красную. Нравится?

Ренни кивнул. А он-то думал, что один такой. Значит, ошибался.

– Идем, – позвал Дауд. – Ворота открыли, они скоро явятся.

* * *

Комплект до нужного дома им помогли донести двое мужчин. За стеной оказалась одна длинная и достаточно широкая улица, в конце которой Ренни заметил еще одни ворота. Дома Ренни поразили – до этого дня он считал, что самые некомфортные и старые стоят у моря. Оказалось, что нет. Эти дома мало того, что были построены из местного камня, имели стеклянные окна, так еще и на крышах были трубы, из которых шел дым.

– Топят, – заметил Дауд. – Ночь холодная будет.

– Что делают? – не понял Ренни. Они шли по улице следом за мужчинами, под ногами похрустывал прихваченный

морозом гравий. Быстро темнело.

– Там печи стоят. Они жгут дрова, – пояснил Дауд. – Подключаться к общей сети им, кстати, никто не запрещает.

– Дрова, в доме? Как в костер?.. – Ренни искренне удивился. – Папа рассказывал, что видел камин, там тоже жгли что-то.

– В каминах – уголь, – кивнул Дауд. Один из идущих впереди мужчин что-то тихо сказал, второй засмеялся.

– А можно просто поставить обогреватель? – тихо спросил Ренни. – Около ворот, по-моему, установка, довольно мощная. Хоть два таких поселка потянет.

– Можно, но тут за это могут хорошенько подгадить. Тут и за меньшее устраивают общественный суд.

– А почему такой свет странный? Будто свечи...

– Это и есть свечи, – поморщился Дауд.

Нужный им дом оказался последним на улице по правой ее стороне. Вслед за мужчинами Ренни и Дауд поднялись на крыльцо и вошли внутрь. Дауд, перешагнув порог, сразу спросил:

– Подтверждаете вызов?

– Да, да! – дверь из короткого коридора, ведущая в комнату, открылась, темноту прихожей рассеял слабый неверный свет, и на пороге показалась... Ренни опешил. Он до этого момента никогда в жизни не видел подобного.

– Здравствуйте, Эльга, – сухо сказал Дауд. – На этот раз что?

– Кашляю я, Дауд. Простудилась.

– И ради этого стоило тащить восемьдесят пятый комплект?! – взвился Дауд.

Ренни стоял у него за спиной, и смотрел. Он был не в силах оторвать взгляд от женщины. Он никогда не думал, что человек может так выглядеть. Сгорбленная спина, редкие щетинки на подбородке, морщинистое иссохшее лицо, седые волосы, собранные в неопрятный хвост, выцветшие глаза. И запах. Весь этот дом пропитал какой-то неприятный, омерзительный запах. Поначалу незаметный, он проник, казалось, везде. Сначала Ренни не понял, что это такое. Потом сообразил – старость. И дом, и сама Эльга пропахли старостью, и еще чем-то, неуловимо мерзким. Прихожая была маленькая – двоим не разойтись, в нее выходили три двери. Две из них оставались закрытыми, но Ренни почудилось за одной из них какое-то движение. Шорох, словно дереву двери с обратной стороны провели легкой сухой рукой...

– Дауд, дай мне что-нибудь от кашля, – попросила старуха. – Есть у тебя?

– Ренни, отдай ей десять зеленых контроллеров, и пойдем отсюда, – приказал Дауд.

– Еще колени болят, – тут же нашлась Эльга. – И спину тянет каждый вечер.

– Ренни, десять зеленых, общих контроллеров, – повторил Дауд. – И предупреди людей во дворе, чтобы были готовы нести барахло обратно к катеру. Потом вернешься и под-

твердишь окончание вызова. Ясно?

Ренни кивнул. Он вытащил из поясной сумки пластину, отломил десять плашек, отдал Дауду. Вышел во двор.

Двое, которые несли комплект, и не думали никуда уходить. Они сидели на корточках под стеной дома, и курили. Ренни тоже вытащил сигареты.

– Молодой, оставь, – один из сидящих поднялся и шагнул вперед. – Ты нам покурить оставь, а? Редко привозят.

– Берите, – Ренни протянул пачку, благо, в катере лежала еще одна. – А вы разве сами не можете съездить и привезти?

– Рад бы в рай, да грехи не пускают, – засмеялся второй.

Дверь скрипнула, и на пороге показался Дауд. Поманил Ренни, снова скрылся внутри. Ренни бросил недокуренную сигарету, один из сидящих тут же поднял ее, затушил и сунул за ухо.

В прихожей был один Дауд, Эльга куда-то подевалась.

– Зайди, подтверди, – попросил Дауд. – Жду на улице. Она в комнате. И не задерживайся, пожалуйста.

Комната, вопреки ожиданиям Ренни, оказалась довольно большой. Впрочем, ощущение пространства скрадывалось из-за обилия вещей, старой мебели. Огромный круглый стол, придвинутый к стене громоздкий деревянный шкаф. В кресле у окна он увидел хозяйку. Что-то очень сильно интересовало ее на улице, понял Ренни. Когда он вошел, она отвернулась. Ренни с удивлением заметил, что в глазах её прыгают веселые бесенята. Или это просто игра света? На столе

стоял большой металлический канделябр, в котором горели четыре толстые серые свечи. Пятый подсвечник канделябра был пуст.

– Подойди, мальчик, – сказала Эльга. – Как там положение-то... В общем, результат нормальный, кашель прошел. Спасибо. Как тебя звать?

– Реджинальд Адветон, – Ренни слегка наклонил голову. – Ваше полное имя, пожалуйста. И возраст.

– Эльга Бёде, сто двенадцать лет, – улыбнулась старуха. Ренни опешил. Она – чуть не вдвое моложе его мамы?! – Претензий не имею. Спасибо за отклик на вызов.

– Всего хорошего, – Ренни снова поклонился.

– Приятной дороги, – снова улыбнулась старуха. – Скорой и безопасной дороги.

На улице был один Дауд. Он в нетерпении переминался с ноги на ногу и нервно курил.

– Почему так долго? – резко просил он.

– Прости, она просто... – Ренни на секунду задумался. – По-моему, она врёт про возраст.

– По-моему, ты слишком много думаешь, и слишком медленно ходишь, – огрызнулся Дауд. – Пошли, эти уже у ворот.

Казалось, для Дауда жизненно важно поскорее покинуть поселок. По крайней мере, как только они очутились в катере, Дауд тут же поднял машину вертикально в воздух и заложил такой вираж, что Ренни не сумел удержаться на ногах.

– Сволочь! – Дауд со всего маху треснул по панели управ-

ления. Панель спружинила, Дауд принялся потирать ушибленную руку. – Гадина! Всегда в мои смены...

Ренни поднялся с пола и пересел на второе кресло. Его трудно было вывести из себя, но на этот раз Дауд преуспел.

– Я требую объяснить, что сейчас произошло, – ледяным тоном потребовал Ренни. – Иначе я сдам эту считку!

– Ой-ой-ой, напугал, – захихикал Дауд. – Сдавай, если хочешь. Только сначала послушай, может, сумеешь понять, что такое Эльга Бёдые и ей подобные.

– Я слушаю, – проговорил Ренни.

– Очень хорошо. Эльга, милый мой, убила человека. В свое время она сумела убрать с дороги любовницу своего мужа. Сам понимаешь, по молодости люди порой совершают глупости, но такое...

– Как? Разве это возможно... ведь считки...

– Угу. Считку ты раз в год сдаешь. Тут всё вообще... глупо. Она нашла женщину, и подговорила своего брата испортить её катер. Конечно, уронить машину практически невозможно, но если хороший техник слегка собьет навигатор с толку, да еще и подкорректирует внешнюю сенсорную пластину... так, чтобы она скалу, к примеру, как кусок неба видела... тогда, милый мой, катер отлично в эту скалу впишется. Он ее просто не заметит. Что и произошло.

– Та женщина...

– Та женщина погибла, – тихо сказал Дауд. – Семья денег на попытку воссоздания, разумеется, не имела. Конечно, на-

шли их практически сразу – через час уже шло разбирательство. Что интересно – загулявший муж был в курсе того, что братик с сестричкой задумали, и не вмешался. Не предупредил.

– Может быть, она любила мужа, – осторожно предположил Ренни. – И не стоило так жестоко наказывать её.

– Да, любила. Деньги она любила. Квартиру шикарную, яхту... Она даже ребенка своего так не любила, как это вот всё, – Дауд поморщился, словно от кислого. – Я слишком хорошо знаю.

– А где теперь ее брат? Тот, что испортил катер? – спросил Ренни.

– Ты не понял? – усмехнулся Дауд. – В соседней комнате. В том же доме. В общем, эту парочку наказали тем, что сняли детекторы. Эльге было сорок, брату пятьдесят. Мужа тоже слегка наказали, выслали из Саприи вместе с дочкой в какое-то береговое поселение, слава Богу, далеко от нас. Кажется, на Восток. По крайней мере, я больше их не видел. А вот Горный, увы, в нашей юрисдикции.

– Дауд, но при чем тут ты?

– Забыл сказать. Та умершая женщина, Руфь, была моей старшей сестрой. А теперь на секунду поставь себя на мое место. Кстати, Эльга очень любит делать подобные фокусы. Кажется, ей это приятно.

– Тогда... – Ренни опустил голову. – Тогда всё правильно.

– Что правильно? – прищурился Дауд.

Ренни не ответил. Корпус катера стал прозрачным, внизу, оказывается, давно было море – сбились с курса, об управлении просто забыли. Колючие звезды – и почти неподвижное море внизу. Пространство вокруг них было пустым, катер словно завис в вакууме между замершим небом и холодной тёмной водой.

– На что еще мы имеем право? – в пространство спросил Ренни. – Скажи, Дауд? Ведь ты это сделал тогда сам, верно?

– Сам. Потому что это моя обязанность, Ренни. Ты сейчас путаешь право и долг. Ты думаешь, мне теперь легко? – с отчаянием воскликнул он. – А эта, пока не умрет, будет меня вызывать. Обязательно будет. Потому что отлично знает – мне больнее, чем ей.

– И тем не менее...

– Да, тем не менее. Скажи, Реджинальд, ты согласен со всем, что видел сегодня?

– Нет, – Ренни отрицательно покачал головой. – Скорее, я со всем не согласен.

– Знаешь, иногда я просто хочу умереть, – признался Дауд. – Веришь?

– Не знаю, – Ренни смотрел в небо, словно там мог откуда-то появиться ответ на мучивший его вопрос. – Дауд... я не уверен, что сумею... я только сейчас понял... Если всё вот так... я могу не справиться. Пойми, мне жаль... людей.

– А вот это правильно. Коллеги, экзамен пройден, – сказал Дауд в пространство. – Я рекомендую Реджинальда Ад-

ветона к получению статуса и должности младшего постоянного врача. Просьба подтвердить согласие или высказать возражения.

Корпус катера стремительно помутнел, и вокруг Дауда и Ренни замерцали светло-зеленые огоньки.

– Пойми, то, что ты сейчас видел – это тоже жалость. И любовь. Потому что спасти всех тех, кого та же Эльга могла еще покалечить или убить, возможно было только таким способом.

– Трудный способ.

– А всё-таки я тебя поздравляю, Ренни, – Дауд улыбнулся зеленому хороводу. – Единогласно. Теперь тебе предстоит понять, рад ли ты этому.

* * *

– Знаешь, мам, а он всё-таки решительный, – сказала Вэн Тон маме, когда вернулась домой.

– Ну и хорошо, – улыбнулась мама. – Пойдем ужинать, и надо ложиться спать. Тебе на работу завтра.

– Пойдем, – согласно кивнула Тон.

4

Считка

Зима длится, как известно, месяц. В месяце, как известно, тридцать два дня. Контроль климата в этом году зиму устроил славную – там, где надо, был снег, причем именно такой, как заказывали: глубокий, искристо-сапфировый, чистый. Горные склоны подготовили к снегу заранее, выровняли, разгладили. И понеслось. По вечерам на горе народу собиралось много. Катались кто на чем. Ренни исключением не был, в свободное время дома он не сидел. Осевые сани – верткую, юркую машинку, вошедшую в моду на этот сезон – в этом году он купил самые лучшие, благо зарплата позволяла. Вэн Тон постоянно подначивала Ренни – мол, хватит кататься медленно и красиво, давай наперегонки, чего ты? Ездила Тон так же, как жила – с напором, лихо. Соревноваться с ней Ренни было неинтересно, она всегда выигрывала. Натура, что поделаешь.

В четвертый день зимы на горе и произошло событие, определившее занятие чуть не на весь сезон не только для врачей Саприи. Кто-то (кабы знать, кто!) принес на гору считку.

Ренни и Вэн Тон, спускаясь, увидели внизу на склоне группу людей. Ренни показалось странным, что народ не рас-

ходил, наоборот, к стоявшим подъезжали всё новые и новые любопытные, да так и оставались – словно что-то их ну очень сильно заинтересовало. Склон по вечернему времени освещался флаерлайтами, их над людьми с каждой минутой становилось всё больше.

– Смотри, сколько светляков! – Тон замедлила сани. – Чего там такое?

– Понятия не имею, – ответил Ренни.

Они спустились вниз, сложили осевушки и подошли поближе.

– Нет, ты это видел? – какой-то молоденький парнишка чуть не подпрыгивал от возбуждения. – Видел?! Обалдеть...

– Ага, – потрясенно отвечал второй. – Только маме не показывай.

– Дайте кто-нибудь, – просила женщина, – скинь, милый, ну пожалуйста! Сам посмотрел, а жене нельзя?!

– И даже не думай! Ты что! Не давайте ей считку, да что ж ты делаешь, стервец, пошел вон! Алиа, идем, пожалуйста...

– Почему ты меня постоянно унижаешь!

– Я тебя не унижаю, а люблю, дура!

Кое-как протиснувшись между спорящими супругами, Тон и Ренни смешались с толпой. Ренни до этого еще никогда не видел, чтобы какая-то считка вызвала такой ажиотаж. Народ кидал друг другу кусок чужой памяти молча, быстро, воздух пестрел от визуалов детекторов, переливался всеми цветами радуги. Какой-то полужнакомый парень кивнул Рен-

ни – лови, мол, пока я добрый. И Ренни вошел в считку.

Минуту спустя он открыл глаза. Несколько секунд просто-
ял, ошеломленный, не чувствуя, что Тон дергает его за ру-
кав. Потом морок, который только что был перед его глаза-
ми, покинул сознание, и Ренни закричал:

– Стоять! Не смейте этого делать! – он снова вывел ви-
зуал. – Патруль, вызов. Изолируйте склон. Приоритет врача
Саприи!

– Ренни, что там? – Тон изнывала от нетерпения.

– Ни в коем случае не смотри, – приказал Ренни. – Я пока
сам не знаю.

* * *

– Ты поступил совершенно правильно, – Дауд расхаживал о комнате, заложив руки за спину. За окном поселилась ночь, принеся с собой снег. Удивительно тихо стало в комнате, а после слов Дауда тишина стала совсем уж мертвой. Пятеро врачей, в том числе и Ренни, замерли, слушая Даудову речь. – Это очень серьезно, господа, очень. За всю свою жизнь я ни разу не видел смертной считки. Ни одной. Эта – первая. Ренни, еще раз – спасибо тебе. К сожалению, считка в доступ все-таки попала, но, надеюсь, люди будут осторожными и поймут, с чем мы имеем дело.

– Прости, Дауд, – Оссе, светловолосый крупный мужчина, из старшего состава, поднял руку, – меня волнует дру-

гое. Чья это считка? Мы проверили Саприи и близлежащие поселения, все живы и здоровы. Запросов о поиске людей не было. Никто не пропал, не погиб. Сейчас патрули идентифицируют схему помещения, в котором находился... тот человек, но ни одного соответствия по планете пока не найдено. По крайней мере, официально оно нигде не значится. По всем отчетам – нигде никто не пропадал, официалы и транспортники подтвердили это. Этот несчастный случай...

– Нет, мой милый, – ехидно сказал Дауд, садясь в кресло. – Несчастный случай? Дело гораздо хуже, это убийство.

Тут уже заговорили все разом, от тишины и следа не осталось.

– Как ты это понял? – изумился Ренни.

– Вспомни руки. Убили, коллега, мужчину. Среднего возраста, лет от ста пятидесяти до четырехсот. Позвоночник ему сломали, а потом проткнули чем-то острым. А детектор на нем, кстати, стоял новый.

– Почему? – Оссе ошеломленно потряс головой.

– Вспомни сам.

Считка была совсем короткая – около минуты. Сначала человек, которому она принадлежала, кричал. Видел он в этот момент угол совершенно пустой комнаты. Потом – попытка поднять руки к глазам, и – затухание. Фактически мгновенное. Но перед ним – короткая вспышка новой боли, во сто крат сильнее предыдущей. Человека, принимаю-

щего считку, от этой боли словно окатывало ледяной водой. Бесспорно, ощущение оказалось очень сильным, поэтому народ и потянулся его ловить, не понимая, что такое он видит на самом деле. Поняли единицы – как тот муж, который уволил сопротивляющуюся жену. Как Ренни, запретивший Тон взять считку себе.

– Самое плохое, что ни один человек не может сказать, с кого всё началось, – Дауд вздохнул. – На горе народу уйма, ищи теперь, кто притащил...

– Но можно проверить, – начал было Оссе.

– Какое – проверить! – Дауд снова встал и заходил по комнате. – В том-то вся и подлость, что никак ты это не проверишь! Ты бы признался? Да ни в жизни. А тот, кто знает, откуда что взялось, обязательно скажет, что получил сие безобразие от кого-то еще.

Все подавленно замолчали. Дауд снова сел в кресло, пригорюнившись, Оссе потер подбородок, тяжело вздохнул, кто-то из персонала пробормотал еле слышно «Вот тебе и отдохнули зиму». В тот момент и посетило Ренни впервые то странное, ни с чем не сравнимое, чувство. Словно он понял что-то, недоступное всем остальным. На секунду всё для него исчезло – комната, звуки. Пространство вокруг словно изменило структуру – и перед ним на долю секунды возник Цвет. Ни за какие сокровища мира Ренни не сумел бы его описать. Этот Цвет был проникновением, словом, движением, действием. «Ты прав, – сказал Цвет. – Помни,

что бы они потом ни говорили, ты прав».

«Какой холодный ветер, – отрешенно подумал Ренни. – И как одиноко на склоне».

– Ничего мы не найдем, – заметил Оссе. – А вот вранья наслушаемся... ой...

– Видно же, что человек врёт, – заметил тихо Ренни. – И потом, в любом детекторе есть...

– Ты про кодекс помнишь? – взвился Дауд. – Да ни один патруль на такое права не имеет! Чего про нас говорить! Кто это позволит? Ежегодная сдача, сдача по согласию, экстренная... родительская. Всё!

– Дауд, но ведь убийство же, – робко вставила Джи, совсем молоденька японка, до сих пор молчавшая и слушавшая. – Они обязаны. По экстренной – обязаны...

– Нет убийства, – развел руками Дауд. – Всю планету сейчас ревизуют. Все целы, понимаешь? Никто не пропал. Гостей, которые через Холм прошли, первыми проверили. Их на Оките полтора десятка, тоже все живы. Сезонных рабочих нет сейчас, зима. Все давно уехали.

– И что делать? – спросил Ренни.

– Искать первоисточник.

– Слушайте, ребята, – Оссе поднялся с места. – А ну-ка, навскидку... На горе был кто-то из сэртос?

– Рита, – Ренни почувствовал, что в груди что-то противно ёкнуло. – Точно, была. Ловите считку.

– Гаденыш, – Рита облокотилась на резную спинку стула. – И ты еще имеешь наглость сюда заходить? Если ты, врач паршивый, сейчас не заткнешь свою поганую пасть и не убе-решься, придется разговаривать с тобой в другом месте.

– Интересно, где? – прищурился Ренни.

– У меня много друзей, и они с удовольствием вызовут тебя через пару недель на ринг, сладкий, – улыбнулась Рита. – Вспомни про Дзеди. Это хороший урок для тех, кто любит потрепаться.

Ренни промолчал. Да, цепочка обрывалась на Рите. По крайней мере, та цепочка, которую они смогли растащить. Расследовать и выпрашивать Ренни совершенно не умел, ему становилось мерзко от мысли, что своими действиями он мало того, что создает неудобства окружающим, так еще и репутацию портит. Та же Рита, кстати. Он же не виноват, что ему приходится с ней беседовать, так? Он на работе. А она... гаденыш!..

Днем в салоне почти не было людей. Так, какая-то молодежь кутила у дальней стены, сдвинув два столика, да Ренни беседовал с Ритой возле самой эстрады. Небо, на этот раз вечернее, обещало холодный день – малиновый закат подчеркивали тонкие полосы размазанных ветром облаков.

– Я не треплюсь, я работаю, – вяло огрызнулся Ренни. –

Откуда считка?

– Принес кто-то, – отмахнулась Рита. – Что я, помню, что ли? Тут по двести человек каждый вечер.

– Почему не заявила?

– О чем?! – взвилась Рита. – И почему я?!

– Ты хозяйка...

– И что?! Как принесли, так и унесли, – Рита облокотилась о стол. – И не пялься на меня, мальчик. Имею право. С каких это пор добровольная передача считки стала противозаконной?

Ренни не нашел, что ответить. Рита в данном случае была целиком и полностью права. Но... слишком много было этих «но». К примеру, передача считки на территории салона была платной. И, Ренни был в этом уверен, Рита знает, кто первым считку принес. Но... опять «но»! не скажет. Ей это невыгодно.

– Хорошо, – Ренни решительно поднялся, придвинул стул к столу. – Мое дело – собрать информацию. Я работаю на Саприи, Рита, если ты не в курсе. Так вот. Если решишься, ты знаешь, как меня найти.

– Всё сказал? – прищурилась Рита. – А теперь – пошел вон!

Грубить даме Ренни, конечно, не стал. Горестно покачал головой и вышел из салона, зная, что больше ни за что туда не вернется. Лицо горело от унижения, Ренни подумал, что сейчас, наверно, выглядит глупо – покрасневшие щеки

и уши, растерянный взгляд. «Эх, мистер Адветон, мистер Адветон, – подумал он. – Эх вас скрутило, словно мясо кто-то есть заставил. Всем хороша работа, если бы не...»

Додумать он не успел. Вызов шибанул словно со всех сторон, Ренни показалось, что его дернули человек десять одновременно.

– Принято, принято! Сейчас! – Ренни на ходу вытаскивал координатную сетку, через секунду он понял, что сетка не понадобится – до нужной точки было тридцать секунд ходьбы. Миновав пару поворотов коридора, Ренни понял причину вызова.

На площадку подле лифтов, в окружении толпы людей рыжий Лин бил Эккеле. Неумело, молча, но, как это не странно, довольно успешно. Эккеле защищался еще более неуклюже – старался прикрыть руками голову, подставлял под удары бока и локти.

– А ну-ка прекрати! – Ренни, растолкав зрителей, влез между драчунами, отпихнул в сторону ошалевшего Эккеле и схватил Лина за руку.

– Ренни, отпусти, – угрожающе прошипел Лин, пытаясь вытащить руку.

– В чем дело? – спросил Ренни.

– Сволочь! – Лин попытался вырваться, но Ренни держал крепко. Он был гораздо выше и сильнее Лина, вскоре тот понял, что выдираться бесполезно. – Он Жанке... эту пакость... да ему сейчас!..

Жанна сидела возле светло-салатовой стены на корточках и плакала. Она спрятала лицо в ладонях, сгорбилась, светлые легкие волосы закрывали лицо. Лин подтащил Ренни к ней, сел рядом на колени, обнял девушку за плечи.

– Маленькая, ну не надо, – жалобно сказал он. – Ну не плачь пожалуйста...

– Рыжий... – Жанна всхлипнула. – Он ушел?

– Ушел, ушел, – ответил за Лина Ренни. – Мне кто-нибудь объяснит, что тут случилось?

Люди неохотно расходились. Какая-то компания со смехом потащила за собой Эккеле, тот, несмело улыбаясь, пошел следом.

– Соображать надо, – донесся чей-то голос. – Разве можно девчонке...

Жанна немножко успокоилась. Ренни уже понял, что его помощь не требуется, но все-таки решил немножко прояснить для себя ситуацию. Светлый коридор опустел совершенно, диагональные двери сомкнулись за спиной последнего зрителя, и только после этого, выждав несколько секунд, Ренни попросил:

– Ребята, ну скажите, что такое?

– Этот мерзавец... – начал Лин, но Жанна взяла его за руку и посмотрела так, что Лин тут же замолк. Ренни удивился этому взгляду – так может смотреть мать на сына, а не девушка на любимого. Взгляд запрещал, он останавливал, он мягко приказывал: помолчи.

– Я сама скажу. Эккеле откуда-то взял эту считку... ну, ту, которую... ты знаешь... Закольцевал ее и сбросил мне. Сама виновата, не смогла сразу вырваться, а он... стоял и смотрел.

– Догадываюсь, зачем, – процедил Лин. – Делал новую. Потом продаст, наверно... Назовет «Женская истерика в зеленом коридоре».

Ренни промолчал. Он знал эту шутку – с закольцованной считкой. Сам попадался пару раз в юности. Больше десяти витков считка не выдерживала, но иногда хватало и трех-четырех, чтобы потом человеку было очень нехорошо. Не физически. Эмоционально.

– Как вы с ним работаете? – в пространство спросил Ренни.

– Да так, – вяло дернул плечом Лин. – Мы же почти не общаемся. Пойдемте куда-нибудь, а?

* * *

В блоке Аким оказалось людно, но им повезло – они нашли столик на троих, очень удачный, с двумя диванчиками. Лин убежал за пивом, а Жанна и Ренни остались «сидеть». Аким любили – и за простую обстановку, и за добротную, пусть и без особых изысков, кухню. Дешевенькая, но всё же симбиотическая мебель, удачный дизайн. По стенам бродили мягкие цветочные волны, круглые окошки обрамляли гирлянды засушенных горных трав, блуждающие

огоньки в стенах то свивались в цепочки, то распадались. И музыка тоже была приятная. Ненавязчивая веселенькая мелодия из старых, явно не постановочная.

Ренни с удовольствием вытянулся на диванчике, ощущая, как симбионт тихонечко массирует уставшую спину. Хорошая всё-таки штука – такой вот диванчик. Стыкуется с дестектором, моментом вылавливает дискомфорт – и приспосабливается под сидящего. Ренни ощутил, что за последний месяц как-то подустал от «осеннего» пафоса, от несуществующих трагедий и серьезных людей. Хотелось чего-то необременительного. Во всем – и в работе, и в жизни. «Интересно, – подумал Ренни, – а где Тон? Соскучился я, что ли? Странно, за два неполных дня...»

– Слушай, – Жанна, примостившаяся на втором диванчике, приподнялась на локте и посмотрела на Ренни. – Вы так и не нашли, кто был первым по этой считке?

– Да нет, – удрученно ответил Ренни. – И не найдем, наверно. Нереально.

– Почему? – удивилась Жанна.

– Хотя бы потому, что... – Ренни замялся, посмотрел вокруг. – У меня такое ощущение, что нам не дадут найти.

– Как это?

– Ну... Просто Рита так себя вела, – принялся сбивчиво объяснять Ренни, – я не ожидал, признаться.

– Что Ритка тебя пошлет куда подальше? – спросил подошедший Лин. – И очень зря. Это вполне естественно.

– Почему?

– Ты совсем без головы? – ехидно спросил Лин. – Потому что. Потому что ты ее салону создаешь проблемы. И вообще, доктор, кончай валяться, пойдем, поможешь мне еду дотащить...

– Ты что, много заказал? – Жанна привстала было с диванчика, но рыжий тут же сел рядом с ней на корточки и что-то зашептал ей на ухо. Она засмеялась и снова легла. – Ладно... транжира.

– Скряга, – Лин показал Жанне язык. – Для тебя стараюсь. Пойдем, доктор.

Увидев заказ, который, по Акимовскому обыкновению был уложен в аккуратные плетеные корзиночки, Ренни присвистнул. Похоже, Лин потратил половину зарплаты за декаду на этот ужин. Белое вино, пять видов салатов, лепешки с сыром, с травами ансаив, с еоле, с острой пастой паричо... Фирменные запеченные овощи – в глиняных овальных горшочках. Графинчики с соками. Воздушные сладкие трубочки с ореховым ароматным маслом...

– Рыжий, ты сошел с ума, – заметил Ренни. – Во-первых, мы столько не съедим. Во-вторых, ты думал, что будешь есть э-э-э-э... потом?

– Ерунда, – отмахнулся Лин. Тряхнул волосами, наклонил голову к плечу, насмешливо посмотрел на Ренни. – Подумаешь, бесплатными обедами обойдусь. А Жанку надо утешить.

– Да-а-а-а... – протянул Ренни. – Ты утетишишь. Ты так утетишишь, что потом домой ее на руках потащишь. Потому что она из-за стола подняться не сможет.

– Ну и поташу. Ладно, понесли, остынет.

Как и предполагал Ренни, Жанна тут же устроила Лину разнос. Однако рыжий сдаваться не собирался – споро расставил по столу тарелочки, пододвинул всем поближе горшочки с овощами, разлил вино. Жанна сначала строго смотрела на эти приготовления, потом не выдержала, махнула рукой и рассмеялась.

– Меня еще спрашивают, за что я его люблю. Садись, а то и впрямь остынет. Ренни, вот эта картина у нас называется «Лин хотел как лучше».

Ренни подцепил на ложку овощей, запил вином. Да! Вкусно, черт возьми. Давно он не был в Акиме, на самом-то деле. А зря. Надо заходить сюда почаще.

– Мы не закончили, – проговорил Лин. – Чего ты сказал про Риту?

– Жан, у него получилось очень неплохо, – невпопад заметил Ренни. – Про Риту? Пришел сегодня к ней, просто поговорить. Был с позором изгнан. Что характерно – ничего особенного не спрашивал. Нет, ребят, правда!

– Верю, – покладисто ответил Лин. – Вы ешьте, ешьте, а то мало ли что...

– «Мало ли что» сейчас в Скивет, – заметила Жанна. – «Мало ли что» туда еще с утра ухнуло, может, до завтра

не появиться.

– Этот? – спросил Лин. – Появится. Где-то... – он вывел панель, глянул на символы визуала. – Через полчаса придет. Меня он локализовал пять минут назад.

– У него там новый амур? – поинтересовалась Жанна. Она разлила вино, чокнулись, выпили...

– Не-а. Нужен он кому-то, что ли? – засмеялся Лин. – Я догадываюсь, но не скажу.

– А все-таки?

– Не-е-е... Всё потом.

Несколько минут за столом царило молчание – еда в Акиме действительно была выше всякой критики. Ренни наконец-то добрался до лепешек. Какой кайф! Родители кухню Акима не одобряли, считали ее слишком грубой, плебейской, но Ренни сейчас получал огромное удовольствие от того, что можно обмакнуть тоненькую хрустящую лепешку в соус ансаив, пряный, густой, пахнущий летом и свежими травами, свернуть ее в трубочку и целиком отправить в рот. И плевать на то, что соус течет по пальцам. В Акиме ели или ложками, или руками. Никаких вилок и ножей тут в заводе не было. Лин и Жанна открыли банку еоле, воздух тут же наполнился запахом уксуса и сладкого серого перца...

– Мне тоже положи, – попросил Ренни. – Соскучился.

– Мама у тебя слишком строгая, – заметила Жанна, раскладывая колечки еоле по лепешке. – Не понимаю, что плохого в том, что ты ешь не огурец, а вот это? По сути-то одно

и то же.

– Огурец так не маринуется, – строго сказал Лин. – Огурец грубый, а...

– Вот вы где! – Дзеди плюхнулся на стул рядом с Лином. – Уф, устал же я... Зато очень много всего интересного выяснил.

Дзеди взял у Лина из рук лепешку, Лин тут же отвесил ему оплеуху, Дзеди переложил лепешку в другую руку и аккуратно ткнул Лина локтем под ребра. Несколько секунд они молча мутузили друг друга, стараясь отнять многострадальную лепешку, пока Жанна не прекратила это безобразие.

– Хватит, – решительно сказала она. Отняла у Дзеди лепешку и тут же запихнула себе в рот. Дзеди укоризненно посмотрел на Лина.

– Дети... – протянул он обиженно. – Я так хочу есть, я целый день просидел в Скивет, а вам для меня куска хлеба жалко? Сволочи вы, дети.

– Мы не сволочи, – ответил Лин. – Мы просто покушать любим. Так чего было-то? Чего ты такое узнал?

– Узнал? Ну, для начала, я обрадую Ренни. У тебя через час разбирательство, вызовут через полчаса.

– По считке? – Ренни напрягся.

– По ней самой. Во-первых, отыскался первоисточник. Во-вторых, считка постановочная...

– Как – постановочная? – ахнул Ренни.

– Да просто, – пожал плечами Дзеди. – Ты подумай голо-

вой! Ну не может она быть настоящей.

– Почему?

– Да потому, что такого просто не бывает! – с возмущением ответил Дзеди. – Ты на секунду себе представь, возможно ли это вообще! Убить, да мало того, человека! Ренни, не чуди. Даже кошку убить невозможно, а тут...

– Аргов убивают, – вставил Лин.

– Сравнил, – отмахнулся Дзеди. – Убивают, точно. С заблокированным детектором и с очень большим риском, кстати.

– Попроси прощения у своих ботинок, – строго сказала Жанна.

– Простите меня, ботинки мои, – Дзеди с интересом посмотрел под стол. – Чего? Не расслышал, повторите... а, вы меня прощаете? Спасибо вам, ботинки мои.

– Не ёрничай, – попросил Лин. – Дурак.

– От дурака слышу. Так вот, исходя из того, что человека априори невозможно убить...

– Возможно, – тихо заметил Ренни.

– Да ладно!

Ренни вкратце рассказ про Эльгу. Жанна слушала, зажав себе рот ладонью, Лин и Дзеди – с интересом, причем Дзеди тут же вытянул из Скивета модель катера и, соединив какие-то линии в схеме, задумчиво покивал. Затем смахнул схему, и уставился на Ренни своими странными глазами.

– Нет, – подумав секунду, сказал он. – Нет, Ренни. То есть

я верю, что примерно так оно всё и было... но, пойми правильно... Тут очень большая разница. Одно дело – испортить катер. А другое – вот так, своими руками.

– А что ты сказал про постановочную считку?

– Считку? Да, нашелся парень, который ее сделал. Он не местный, приехал откуда-то. Из сэртос, молодой совсем, лет двадцать, наверно. По Скивету теперь это признание ходит, висит на всём свободном поле.

– Но... – Ренни подавленно замолчал. Он не знал, куда деться от стыда. И уже догадался, что ему предстоит в ближайшие часы.

– Не переживай, – Жанна протянула ему стаканчик с вином. – Ничего не сделают.

– Сделают, – уныло ответил Ренни. – Как минимум – оштрафуют.

– Тебя? – изумился Лин. – За что?

– Панику поднял, патруль вызвал, склон же изолировали.

– Ну и что? По-моему, это не тебя должны оштрафовать, а того парня, – заметила Жанна. – Если его действительно нашли, то я подам иск. За издевательство надо мной.

– А что? – оживился Лин. – И подадим! И на того парня, и на Эккеле. Вызов у тебя зафиксировался, Ренни? Свидетелей масса.

Ренни задумался. Хорошо, предположим, что считка и впрямь ненастоящая. Но люди-то про это не знали? Не знали. Значит он, Ренни, имел полное право на свои действия.

А считка... настоящая она, или нет, но выглядит отвратительно, и, ко всему, отвратительно натуральной. «Просто так не сдамся, – решил Ренни. – Буду отстаивать себя. Может, Дауд поддержит».

Народу в Акиме прибавилось. Некоторые люди, мест которым не досталось, расположились прямо на полу в проходах, расстелив скатерти и расставив на них корзиночки со снедью. За круглыми окошками быстрый ветер нес мелкий легкий снег, кто-то развлекался тем, что на секунду разбивал пленку окна, и тогда в зал врывался короткий злой снежный вихрь, который тут же бессильно гас. «Почему мы все так любим находить места, в которых тесно? – подумал Ренни. – Почему у нас все блоки, в которых вкусно и дешево, такие крошечные? Борней – вообще смех, Аким, правда, ненамного больше».

Борней держали двое французов, представлявших как пара. Вообще-то в Саприи лояльно относились к таким союзам, впрочем, существовали весьма жесткие условия – подобные пары лишались и права голоса, и права иметь детей. Впрочем, Анри и Валентайна это нисколько не волновало. Лет им было порядочно, что-то вокруг четырехсот, и жизнью они были вполне довольны. Их заведение, Борней, представляло собой отгороженный кусок узкого длинного коридора шириной метра три, располагавшегося на нежилом уровне. Светлые серо-оливковые стены украшали привезенные с Земли картины, писанные маслом и акварелью, полу-

круглые столики жались к этим стенам, над каждым столиком висел свой холст, поэтому в Борнее принято было заказывать какой-то определенный стол, ориентируясь на него. «Под водопадом», «Под лугом», «Под парком», «У парочки», «Под закатом», «У пастуха», «У фруктов»... Впрочем, славился Борней помимо картин еще и тем, что Анри с Валентайном мастерски готовили самые различные имитации блюд из мяса – от фламбэ, до бараньих ребрышек. Ренни несколько раз посещал это заведение, еда ему понравилась, но не более. Конечно, интересно было наблюдать, как Анри ловко поливает из коньячной бутылки блюдо с тонкими ломтиками фламбэ, поджигает, затем, под восхищенные ахи гостей, тушит. И запахи были вкусные, но... то ли Ренни оказался слишком равнодушным, то ли до него просто не дошло очарование Борнея. Аким он любил гораздо больше.

Лин с Дзеди, кстати, Борней посещали частенько. Дорогих блюд-имитаций они не заказывали, а вот то, что попроще, подешевле, но тоже вкусно – брали. Борней любила эксцентричная молодежь, и Лин с Дзеди исключением не была. Борней – это модно. Борней – это вызов. Борней – это даже немножко протест. Борней – это способ показать окружающим, что плевал я на ваши запреты, и что дела мне нет до ваших глупых правил. Ренни вспомнил слова Айк, и подумал, что ребят, вероятно, в очередной раз застукали в Борнее, да еще и вдвоем. Вот она и решила, что дело нечисто.

– Ренни, где ты там витаешь? – позвал Лин.

– Чего? – Ренни встряхнул головой.

– Тебе вызов прет, а ты сидишь с лепешкой в руке и смотришь в потолок, – засмеялась Жанна. – Иди давай. Расскажешь потом.

– Ага. Ну да, расскажу, – Ренни положил лепешку на тарелку и поднялся. – Ты точно иск будешь подавать?

– Буду, буду, – заверила его Жанна. – Могу хоть сейчас.

– Сейчас не надо, – покачал головой Лин. – Часа через два.

– Пожелайте мне удачи, – попросил Ренни. – А то что-то не по себе.

– Удачи, – Дзеди поднялся и пожал Ренни руку. – И спасибо.

– За что? – удивленно спросил Ренни.

– Хотя бы за то, что ты нами не брезгуешь. Или почти не брезгуешь, – тихо произнес Дзеди. Улыбнулся. – Мы тебя подождем тут. Я же не всё рассказал. И вот, чуть не забыл! Попробуй выяснить, какого черта Айк приперлась на тот совет. Я точно знаю, что она там будет, но вот зачем ей это – понять не могу.

То, чего не существует

– ...сделать для себя определенные выводы. Инато Гаэ, вы понимаете меру своего поступка? – старшим по совету в этот раз был Данир. Он расхаживал по залу, четыре десятка людей наблюдали за ним неотрывно. Молодой японец сэртос стоял в центре зала, виновато улыбаясь, кивая в такт словам обвинителя. – Мало того, что вы, находясь в чужом мире, взяли с собой запрещенную для показа в Саприи и подобных ему поселениях считку, так вы еще и скрывали несколько дней факт вашего авторства. Вы можете объясниться?

– Да, уважаемый Данир, – Гаэ поднял голову, и Ренни с удивлением понял, что японец нисколько не боится. – У нашего народа несколько иное отношение к смерти и к ее проявлениям. Думаю, вы и сами это знаете. Созданный мною отрывок – это лишь попытка понять, что есть я на этой земле, и что ждет меня позже вне ее пределов.

– Я оценил ваше мастерство, как сэртос, – заметил Данир, – но имею ряд возражений. Мне неприятно говорить об этом, но ваш поступок болезненно сказался на жителях Саприи. Не все оказались готовы разделить ваше восхищение процессом...

– Я не закончил, уважаемый Данир, – Ренни вдруг понял,

что японец просто тихонечко издевается над старшим. — Когда я делился считкой со своими друзьями, у меня не было в мыслях того, что люди понесут мою работу дальше. Повторю — мы слишком разные. Авторство открывать я и не собрался, потому что в данном случае я не стремился к славе, вы, боюсь, не сможете понять.

— Понять — что? — деланно удивился Данир. — Вашу цель или ваше желание показать людям то, что они не сумеют адекватно воспринять?

— Я принимаю меру своего поступка, — японец вновь склонил голову. — Я признаю, что совершил ошибку. И готов понести наказание.

— Наказывать вас мы не вправе, — вздохнул Данир. — Но вот въезд к нам для вас откроется только через двадцать пять лет. Согласны ли вы с нашим решением?

— Я принимаю ваше решение, — японец кивнул. — Могу я идти?

— Идите. Реджинальд Адветон, мы хотим выслушать вас. Что произошло на горе в тот вечер, когда вы обнаружили считку?

Ренни подробно всё пересказал. Ему, к счастью, позволили отвечать с места, и Ренни этому несказанно обрадовался. Ему совершенно не хотелось стоять в самом центре зала, и ловить взгляды людей, в этом зале сидящих. Тем более, что Айк явно заинтересовал его рассказ.

— Итак, вы, используя приоритет врача, вызвали патруль

и изолировали склон, — подытожил Данир. — Похвальная оперативность, бесспорно. Но вот кто дал вам право поступать так, не разобравшись? Вы осознаете, что ваш поступок вызвал панику среди людей?

— Да, я осознаю меру своей вины, и готов понести наказание.

— Наказывать вас не за что, — поморщился Дауд. — С этической точки зрения вы поступили верно, но следует учесть еще вот что. Впредь будьте более осмотрительным. И думайте перед тем, как что-то сделать. Вполне достаточно было бы просто сообщить совету о происходящем, но ни в коем случае не поднимать панику, и не вызывать патруль.

— Я учту это, — кивнул Ренни. — Можно вопрос?

— Задавайте.

— В каком случае тогда мне следовало проявлять оперативность? — ехидно спросил Ренни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.